

Виктор Глущенко

***В ЗАХОЛУСТЬЕ МОЁМ
ПАСТОРАЛЬНОМ...***

Русская поэзия

Межрегиональный благотворительный
общественный фонд «Глас ангельский Руси»

Москва
2019

Уважаемый читатель!

Ты держишь в руках первую книгу стихов самобытного русского поэта, который по праву может называться «Поэтом русской Деревни». Он родился, вырос и живёт в небольшом селении под Калугой. И если отлучался из него ненадолго, то только для того, чтобы получить высшее образование. Он юрист по дипломной специальности. А по духу – он адвокат русской земли, её защитник пред лицом наползающей разрухи и духовного одичания. И как русские сёла и деревни вобрали в себя широту и чистоту бескрайних полей и лесов, среди которых они располагаются, так и поэзия Виктора Глущенко столь же широка и оживотворена чистотой русской природы. Поэтому она живая! Что является главным условием настоящей Поэзии. И это же есть свидетельство того, что поэт свой дар получил Свыше, ибо только Господь может возжечь в душе человека дух животворящего творчества, который делает носителя этого духа соратником Бога-Творца. Виктор ещё молод. Он пока не волшебник, он пока только учится. Но я верю (нет, я уверен), что придёт время и он станет настоящим волшебником Слова. Он поднимется на свою, только ему доступную, высоту, которая так и будет называться «Поэзия Виктора Глущенко». А лучшие его стихи войдут в Золотой фонд русской классической литературы XXI века.

Игорь Гревцев, поэт, драматург, журналист

В захолустье моём пасторальном

В захолустье моём пасторальном
Дремлет век среди берёз втихаря.
Торопиться мне жить, вроде, рано,
А "с нуля" жить и поздно и зря...

Кто-то скажет: забыты, мол, Богом
Все деревни сейчас на Руси.
Пусть живут, может быть, и убого,
Но живут! – изо всех своих сил...

То убожество – бедности признак,
Но бесценный есть в них золотник –
Женской той красоты, что и ризой
Не прикрыть им и не схоронить.

Строчки свежие с привкусом вишни
Принесёт вновь прохладный закат.
Далеко я здесь, люди, не нищий,
Я духовным здесь хлебом богат!

Посему нам Господь справедливо
Не даёт здесь "зажраться икрой"!
Ведь духовной не вырастить нивы
С полным зобом и мелкой душой.

... А вчера, вон, корова телилась.
Для кого-то событие – пустяк.
Для крестьянина ж – щедрая милость,
С Божьих рук благодарственный знак.

Зря судачат: деревня убита,
Жизнь её, как сирень, отцвела.
Нет, жива она! – с Божьей молитвой,
Коли нас в этот век родила!

И Христом не забыта дорога
К деревенской глубинке, ведь здесь
Ощущенье присутствия Бога
В каждом звуке, в беззвучии есть.

Здесь в глуши поднебесной раздольной
Жизнь течёт всем и вся вопреки!
Здесь народ, как на Божьей ладони,
Всем нутром ощущает грехи.

Он с молитвой своей незатейной
Храм воздвигнул в душе, как Чертог,
Где живёт неделимое Тело –
Избяная Россия и Бог!

А война нам не мать

А война нам не мать – тётка злобная.
Не под стать ей ни честь, ни хвала...
Нрав горяч у неё – кровь холодная,
Взгляд пустой, словно дуло ствола.

Не с добром входит в хаты, не с плясками,
А с бедой, так, что стены – "в дрова"!
Как случилось, земляца Донбасская,
Что пришла эта тётка и к вам!?

Разве знала, земля ты Луганская,
Что настигнет вас голод и страх?
Что дышать будут дети с опаскою
В блиндажах и подвальных стенах?

Но война, как война! – дело чёрное,
Политической кофлы игра!
Братьев, будучи верой сплочённых, вмиг
Раззадорили в ключья и прах.

Те фашисты кричат: «Трэба здаться вам!»
Но не свергнуть безбожникам нас!
И за жизнь бьётся насмерть Дебальцево,
Иловайск, Краматорск и Луганск.

Боже, силы им дай и терпения
Потушить этот адовый зной,
Разогнать смрад и злое затмение
Над священной Донбасской землёй.

Знаю, там, над затмением вражеским,
Возвышается солнечный свет.
Но чтоб небо очистить от сажи той,
Должен зло победить человек!

Иловайский котёл – судеб месиво,
Жизни там, словно щепки, горят.
Если б знал, Донбасс, как от бездействия
В муках здесь наши души кровят.

Ты, Донбасс, – кровный брат: кровь единая
В наших жилах набухших течёт.
Дух горняцкий – кремень! – его минами
Не взорвёшь, не разрубишь мечом.

Русским быть не клеймо, а призвание!
Призови, ты, нас Русь! – и пойдут
Твои Коли, Степаны и Вани все
За тебя, за Донбасс – сквозь беду!

Пусть не рвут животы бесы без толку
Против силы Христова Креста! –
Мало ль мы проучили всех бесов тех,
Взяв тогда в сорок пятом Рейхстаг!?

Мы докажем орде той бесславной вновь,
Что фашизм их сотрётся, как грязь!..
Возвышается Русь православная –
И незаблемый русский Донбасс!

Дорога на Русь

Кинув сидор за плечи – спиной не прогнусь,
Помолюсь и бойчей пошагаю
Той дорогою светлой, ведущей на Русь,
Что сквозь душу Христа пролегает.

Да, тяжёл этот путь, но не страшен, поверь,
Если к Божьей прильнёшь ты ладони.
Не пройдёт этот путь окровавленный зверь,
А пройдёт только воин Господний.

Православный народ – верный воин Христа:
Враг у нас эту честь не отнимет.
Но, чтоб воином светлым пред Богом предстать,
Нужно души сберечь нам живыми.

И походкою твёрдой я смело пойду
Под серебряный звон колокольный.
Я дорогу на Русь даже в море найду,
По воде побегу, как по полю!

И с оружием нетленным, нательным крестом,
Я смету всех врагов, силы выжав.
А когда же в душе облекусь божеством,
То и путь мой на Русь станет ближе.

А где Бог, там и Русь – неделимый союз,
Как река и пологое русло.
Я пойду в край берёз, где неведома грусть,
На тот клич соловьёв в роще русской;

Где нескошенный клевер бескрайних полей,
Где и пчёлы жужжат лишь по-русски,
И всегда свежий хлеб на дощатом столе
В хате каждой – в любом захолустье,

Там, где труд и добро воспевают народ,
Тот, который воинствен и кроток;
Там, где хлеб добывают сквозь кровь и сквозь
пот
На рубахах и косоворотках;

Где по Божьим законам во славу живут,
Где всегда во главе – справедливость;
Где займы никогда ничего не берут,
А всегда просто дарят, как милость.

Там нас ждёт, как с войны ждёт сынов своих
мать,
Русь Святая в платке васильковом!
Но, чтоб путь одолеть – нужно духом воспрять,
За грехи каюсь снова и снова.

И пройти этот путь во едином строю,
Как солдаты по бранному полю.
И, с Россией навеки сроднясь в том бою,
Ей сказать: "Мать-земля, мы с тобою!"

И согреет нас Русь материнским теплом,
И опомнятся грешные дети.
«Возвратились сыны в свой родительский дом!»
Бог прошепчет над этой планетой.

И дорога на Русь зацветёт, как весна,
От тепла полевыми цветами.
И откроется каждому в сердце она,
Кто захочет пойти вслед за нами!

И наш долг – устоять в том пути до конца,
Чтобы выйти на чистое поле,
Где не будет ни стрел, ни осколков свинца,
Ни следов окровавленной соли,

Где нас ждёт наша Русь – терпеливая мать
Много лет в бесконечных страданиях,
Чтобы всю нам любовь без остатка отдать,
Чтоб свою мы ей так же отдали.

... Пролегла сквозь века та дорога на Русь,
Бьёт набат колоколен тревожных.
Мы пройдем этот путь! – Вот Вам крест! И
клянусь!
Что никто помешать нам не сможет!

Конечный маршрут

Открыта бронь – и взят билет. Вот-вот
отправка...

Корабль прощальный устремится в глубь небес,
Где тоже жизнь течёт своя! Но, как же жалко,
Когда не флаг на старте, а надгробный крест!

Земля сырая – лишь причал: оттуда в вечность
Ты, друг, отправишься, а там – цветущий рай,
Где будет всё, чего здесь нет – покой и
встречи
С родными, кто уже обжил тот светлый край.

Мы все имеем бронь на это Божье судно,
Взойти на борот – ни у кого запрета нет.
Но каждый должен в этой жизни безрассудной
Свой заслужить заветный на него билет.

Земная гавань. Стон и боль. А рейс назначен.
Ну, вот и слёзы. Или солнце жжёт глаза?...
«Мужик не плачет», – глупость всё! Конечно,
плачет...
И в рюмку с водкой вдруг покатится слеза...

А за спиною кто-то невзначай осудит:
Никчёмно прожил, мол, отмеренный свой век.
Конечно, много в этой жизни горьких судеб...
Кто вы? – не знаю... Он был в жизни – человек!

Пуускай судачат злые языки без толка,
А он мне друг! Какой бы ни был – был и есть!
Пока прощаемся с тобой, но лишь до срока,
Когда и наш придёт черёд в небесный рейс.

Ну, вот пора. Гудит гудок. Тебе в путь мирный,
А мы земные вновь дела вершить пойдём.
Исчезнет судно в облаках, а здесь отныне
Взрастёт лишь холм песчаный и венки на нём.

И поплывёт корабль вверх – к иному Свету,
Где океан безбрежный и вселенский штиль.
И пришвартуешься навек ты в Царстве этом,
А здесь... Тот холм размоют летние дожди.

Что наша жизнь земная здесь? – то шторм, то
качка,
В мятежный дрейф несёт порой течение лет.
Пусть не сломается душа сквозь жизнь, как
мачта,
Пусть память, как маяк, душе укажет свет.

...Твой час пришёл. И чаще-чаще бьётся сердце.
Тебе пора. Ты лихом, друг, не поминай...
И понесут его на белых полотенцах
К сырому трапу на маршрут конечный – в Рай.

В ночь на 9 мая

Соловьиная трель в эту ночь – аж, взахлёб
И навзрыд. Непокойно мне что-то...
Каждый шорох, как взрыв! Даже птичий полёт
Режет слух, будто винт самолёта.

Беспокоится ночь, ожидая рассвет,
Ждёт с волнением май светлоликий
Дату с красным числом – в цвет крови и побед,
Что в девятый день стала Великой!

Звуки в сердце – иглой! Отчего, не пойму.
Вмиг забыл, в каком веке живу я:
За туманом бои, залп орудий сквозь муть
Мне мерещатся здесь, как вживую.

Даже рощи тревожатся, если вдруг блеск
От зарниц вспыхнет в небе погожем,
Что берёзы дрожат под сияньем небес,
Будто в страхе от прошлых бомбёжек.

Не вчера это было, конечно, но, всё ж,
До сих пор боль нас давит тисками
Той проклятой войны, где цена жизни – грош,
Где бесценна лишь память людская.

Эта чуткая ночь – радость с привкусом слёз,
Даже ветер особенный – хлёсткий:
В нём и пороха запах, и запах берёз,
И погибших солдат отголоски.

Помнят эту войну! – и не только народ:
Помнит небо, земля, лес и реки.
И за роцей во рву тот обрушенный ДЗОТ –
Символ страха и зла в человеке!

Сколько лет вот прошло после страшной
войны?
Всё одно людям, видно, неймётся:
Жаждают смерти чужой! – не хотят тишины,
Не хотят в небе мирного солнца.

И с трусливым оскалом по миру опять
Бродят новой эпохи гиены:
Норовят слопать Русь... Только треснет их
пасть,
Сдавят горло отцов наших гены!

Отчего так тревожно в ночной этот час,
Почему стонет хор соловьиный?...
Просто память в крови будит разумы в нас,
Чтоб забыть о войне не смогли мы...

Русский мужик

Средь берёзовых чащ, у росистой межи,
Где не ездят авто и трамваи,
Пашет землю натружено русский мужик,
Хлеб насущный хребтом добывая!

Время нынче не нежит его калачом:
Загнан в угол он веком продажным.
А ему – "трын-трава", всё ему нипочём,
Он упрямо всё сеет да пашет.

На заре он помолится Богу среди нив,
Инструмент за плечо – путь нацелен!
Рушит кто-то святыни, а он, супротив,
Из руин поднимает вновь церкви.

Как враги не пытались его очернить:
За стакан, мол, продаст государство!
Ну, а он землю рыл с самых Альп до Чечни,
Знает цену и хлеба, и братства!

Пусть порой "с похмела", но не дрогнет рука,
Если нужно: ударит он метко
По врагу из орудия, хоть с кулака, –
За Россию ответит он крепко!

Удивляюсь его непокорной душе:
Грабят, черти, а он добродушно
Скажет: "Сколь не воруй, всех не взять
барышей
В Мир иной, – там ведь денег не нужно!"

Он зайдёт по пути в свой налаженный Храм,
И прощенья попросит у Бога:
Скажет: "Господи, Ты не суди за сто грамм..."
И пойдёт ладить к Храму дороги.

И откуда терпенье – могучая сталь?!
Не сломать его долей убогой!
Это русский мужик – закалённый, как сталь –
От расейской сохи и от Бога.

Февральские снега

Холодные февральские снега.
Священное безмолвие России, –
Лишь брякнет где-то тихо свысока,
Упавшая звезда об ельник синий.

Задумчиво молчание полей.
Не хватит слов и музыки безгрешной,
Чтоб выразить величие полней
Зимы российской в предвкушенье вешнем.

Стою на перекрёстке злых ветров,
Где чувствую ожоги каждой клеткой.
Не выжечь в сердце к Родине любовь
Ни свистоплюйством, ни терновой веткой!

Не запылить вам синие глаза,
Не очерствить мне душу суховеем,
Пока цветёт над Русью бирюза
И Божиим теплом от неба веет.

И пусть мороз коробит руки мне,
Я их согрею – к сердцу приложив, и
Скажу, что здесь в заснеженной стране,
Теплей мне, чем в Египте и Алжире.

Пусть снег летит за шиворот одежд,
Но я не дрогну – дух бурлит во плоти!
Живут над Русью Ангелы надежд, –
И крыльями вздымают снег на взлёте!

А там, под настом чёрствым, ждёт земля,
Когда апрель расплавит снег хрустящий.
И вновь заплачет Русь в родных полях,
Как после родов женщина – от счастья!

Снег летит с небес туманных

Снег летит с небес туманных, –
В высь не нагляжусь я!
То ли снег, а то ли манна,
Господи Иисусе?..

Не жалея крупы небесной,
Сыпь да сыпь с лихвою, –
Дай вкусить семян чудесных
На просторе вольном!

Ветер – в пляс, а снег взмывает,
Над равниной кружит.
Может это стынь земная,
Может чьи-то души?..

Там, где вихрь крутит снежный,
Мысль во мгле прозрел я:
Впереди – жизнь еле брезжит,
За спиной – сгорела.

Не познать там вкуса жизни,
Где нет чувства смерти.
Страшно стать на свете лишним
В миг один, – поверьте.

Страшно стать планете чуждым,
Бросить крест в бессилье.
Счастье – быть кому-то нужным,
И тебе, Россия!

Счастье – ей помочь хоть чем-то,
Вклад внести народный
До тех пор, когда отчертит
Бог на свете срок мой.

Вновь душа с духовной волей
В голове бушует, –
Просто я Россией болен,
Просто ей дышу я!

Оттого досадно маюсь
Я в духовной жажде,
Что порой совсем не знаю
Чем помочь ей даже?!

Мне б, Господь, такие руки
Чтоб я смог всецело
Враз поднять Россию в муках
Не словцом, а делом!

Только ветер свищет глухо:
«Наш удел здесь Божий:
Не поднять руками дух ей,
А глаголом можно!»

Потому поэт в России
Не слагатель – больше:
Проводник духовной силы
И глаголов Божьих.

Потому и Русь не рухнет
В бедах злых на спину,
Что даёт сил Высший дух ей
Из небес глубинных.

... И над полем богомольным
Сердце вновь забьётся
В такт со звоном колокольным
До небес – до солнца!

И стихи, как снег, поднимет
Ветер в пламень синий,
Чтоб Господь на жизнь отныне
Вдохновил Россию!

Дорога жизни

"Дорога жизни" – Ладожский простор,
Ледовый путь и в жизнь, и прямо в Вечность.
Как узок был к той жизни коридор,
А в Мир иной – широк и бесконечен.

Здесь, как и прежде, – буйные ветра,
Но двадцать первый век за ворот дует!
Маяк Осиновецкий режет мрак,
Как бледный месяц призрачность пустыю.

Мне ветер стылый мысли ворошит,
Как снег на льду, где чудится сквозь выюгу
Железный караван – поток машин,
Блокадный хлеб везущий друг за другом.

Прямой наводкой – путь на Ленинград,
В ночи (хоть глаз коли!) по хрупкой трассе,
Где курс один: вперёд, сквозь минный град
Иль в Царствие Небес – попал, коль, трассер!

Повсюду взрывы, дыбом лёд встаёт.
– Ты жми, браток, на газ, покуда жмётся!
А смерть "клещом" вцепилась прям в капот,
Над лобовым стеклом в лицо смеётся!

Но караван идёт. Быстрее ход!
Там город ждёт муки и малость хлеба.
Вдруг вспышка за стеклом! И "Мессер" бьёт!
Передний встал и вздыбил фары в небо...

Пошёл под лёд. Но отступать нельзя!
И жмут на газ ребята, что есть мочи.
Но здесь кругом вода, а не земля:
Воронки вдоль пути, и нет обочин.

А в этот миг там, где-то у станка,
В цеху промёрзшем на блокадной суше,
Ключ выронит вдруг детская рука...
Но караван дойдёт! С ним – хлеб насущный!

...А сколько было тех, кто уходил
Под лёд весенний на гружённом "Газе",
Сжимая руль свой из последних сил...
Но шли вперёд, а значит – в Вечность сразу!

Огни мерцают в мареве снегов:
То ярко маякнут, а то погаснут,
Как свет от фар – сигнал грузовиков,
Блуждающих на той бессмертной трассе...

На рассвете

Проснусь едва от стука веток ивы,
Шагну с крыльца в рассвет под синью грёз,
Где зреют звуки в пахнущей крапиве,
Где дремлет Русь под шелесты берёз.

О, сколько стран прекрасных на планете
За горизонтом дальней стороны,
Но хлебнее России в мире нету,
И не сыскать берёзовой страны.

Не наглядеться мне на свет безликий,
Не надышаться воздухом лесным.
Кукушка за холмом рассвет окликнет,
И станет снова частью тишины.

Мы здесь живём у Бога на примете –
Он в душу нашу русскую глядит!
А я смотрю, как в поле пляшет ветер,
И раздувает солнце впереди.

Я подойду к реке неторопливо,
Взгляну на жар небесного огня.
Как будто кто-то из тени в крапиве
Зовёт сюда приветливо меня.

Не спит река, течёт в поля густые,
Как жизнь моя, течёт по руслам вновь:
Худое русло – чувства, что остыли.
Бескрайнее – к Отечеству любовь!

Мне с берега крутого зримей дальше
Туда – за холм высокий, как Парнас,
Где сбережёт Россия души наши,
Где сбережёт Господь Россию в нас.

...Рассвет багряным яблоком налился,
И птичий щебет где-то прозвенел:
Иль, может быть, птенец в тот миг родился,
Иль Бог на Русь безмолвно посмотрел?!

Одинокая церковь

Одинокая церковь стоит у чащобы сосновой.
Захолустье. Сверчки. И крапивное войско
окрест.

Тишина здесь такая, что кажется, тайное слово
Нам вот-вот проглаголет Господь из вечерних
небес.

Разбежаться бы мне и, как в детстве, нырнуть
прямо в речку

С василькового луга, да так – чтоб вода с
берегов!

Подкосились вдруг ноги. Плетусь. И неспешно
навстречу

Племенные плывут над землёю стада облаков.

...Был здесь хутор когда-то – остались
прогнившие срубы

В лозниковых кустах. Пустота – покати хоть
шаром.

Только ветхая церковь торчит покосившимся
зубом

На задворках дремучей глуши под небесным
шатром.

Век жестокий здесь многое стёр, как бумагой
наждачной:

Нет икон, росписей и в притворе чадящих
ламп...

Но исходит благое тепло от церквушки
невзрачной,

Мироточа божественной влагой на серый фасад.

Сколько вод утекло. Но ведь мало теперь кто
припомнит,

Как чинили здесь крышу, алтарь и обрушенный
свод...

А сейчас тишина. Иногда лишь заезжий
паломник

Виновато помолится Богу у древних ворот.

Но чем больше здесь тягот мирских на
кирпичные своды,

Чем труднее физически, тем беспристрастней,
сильней

Сопричастность огромному миру вселенской
природы

С перспективой грядущей – нетленной частицей
стать в ней.

Не позволит Господь осквернить эти стены
"иудам",
Зазвучит ещё звонко на Пасху святой благовест.
И церквушка несёт уцелевший неведомым
чудом,
Перекошенный набок тяжёлый, но праведный
крест!

Последняя рота

Мотострелковая бригада погибала.
И «Град» подбитый возле танка догорал.
Из штаба срочно вывозили генерала,
Который всех своих солдат порастерял.

Из окруженья вывозили генерала,
А вдалеке сверкали красные огни.
Под рваным кителем надежда умирала, –
Её так трудно было целой сохранить.

Под чёрной каской у пехотного майора
В башке звенел один мучительный вопрос:
«Идём на смерть! Не умирать же нам с
позором?
А ну-ка, хлопчики, утрём "шахидам" нос!»

Схватил гранату. Зарядил в рожок патроны.
Рванул, как разъярённый волк, на смертный
бой!
И раздавались где-то вражеские стоны:
– «Алах акбар!» – под автоматную стрельбой.

А он бежал по горной речке серебристой.
Каким-то чудом миновал его обстрел!
Остановился вдруг. Перекрестился быстро:
- "Спаси нас Господи!" – и в небо посмотрел...

Солдаты ринулись за ним, в себя поверив
И в Божью помощь: «От судьбы не убежать!
В Христово Царство нам сейчас открыты двери,
Не будет лихом нас Россия поминать!»

И шли бойцы плечом к плечу во вражье пекло.
– Да не умрёт с позором праведный солдат!
Земля чернела в тех горах, харкая пеплом,
И моджахеды вдруг попятилась назад.

И каждый шаг там приближал свою Победу
В бою неравном: сотня «духов» – тридцать их...
Приказ: «Вперёд!» – казалось, был подобен
бреду,
Но моджахедов хоронил песчаный вихрь...

И с Богом заняв высоту, сыны России
Как дети плакали, к губам прижавши крест!
Куда "акбару" их тягаться с Божьей силой,
Когда в последней роте павший полк воскрес!

О Пересвете

Погиб он вмиг – был от копья удар получен,
И недруг смуглый пал, откинув повода...
И встала Русь! А со спины её могучей,
Как мошकारа, слетела чёрная Орда.

А богатырство ведь пудами не измерить –
В груди натруженной, могучней сила есть:
Духовной благости и христианской веры
В Царя Небесного и православный Крест.

Вся сила в истинной любви к святой России,
И генной преданности в пролитой крови, –
Не запятнать её ничем, и даже силой
Не отобрать у нас божественной любви.

И по сей день над ратным полем Куликовым
Тут птицы имя воспевают много лет
Монаха-воина – из Царствия Христова,
Как символ доблести и мира – Пересвет.

Да и доньше вспоминают на Тибете
О непокорности простых богатырей –
Что нет сильнее Бога русского на свете,
И никакой ему не страшен Челубей!

И пусть в кольчуги мы сегодня не одеты,
Но в богатырском до сих пор стоим строю,
Как в прошлом русские ребята – Пересветы,
Во имя Бога, за любовь и за страну!

Хоронили в селе кузнеца

Небо хмурилось – цвета свинца.
Выходил мрачный люд на дорогу.
Хоронили в селе кузнеца,
И шептались: "Угодно так Богу..."

На белейших, как снег, рушниках,
Гроб несли мужики, слёзно корчась,
И стелилась тропинка в цветах
До погоста по ямам и кочкам.

И судачил народ неспроста:
«Кузнецы, знать, нужнее там Богу...
Чтобы счастье ковать у Христа
В благодетельной кузне помногу».

Попрощались... И крышку потом
На гробу осторожно забили.
За поминным всплакнули столом, –
По-людски, как-никак, схоронили...

А меня мучил скорбный вопрос:
Как же так люди в Вечность уходят?
Знать, у Бога на лучших там спрос
Во вселенском Его обиходе.

... Вы, поверьте, я слышал тайком,
Окунувшись в глубокую думу:
Бьёт кузнец в небесах молотком –
Это значит, что жив он, не умер!

И в пространстве, где Вечность живёт,
Нашим душам, блистая над чашей,
Тот кузнец беспристрастно куёт
Чьё-то счастье под синью звенящей.

А когда при ночной тишине
Звёзды падают с неба, как искры, –
Это сельский кузнец в вышине
Бьёт кувалдой на лунном прииске!

Потянулся туман

Потянулся туман от реки в вышину,
Стало сумрачно в небе зарделом –
Это Бог поднебесную морозь вдохнул
И на выдохе Русь обогрел Он...

Полыхают зарницы на небе ночном,
Что мурашки танцуют по коже.
Не зачахнет Россия, покуда живём
Под живительным выдохом Божьим!

Чужестранцы глядят исподлобья на Русь:
«Как Великой ей быть удаётся?!»
И пускают на нас вороньё – ну, и пусть!
Не затмить им вселенское солнце!

И цвести будет Русь под небесным венцом,
Как у речки весною ракита.
Светом Божьим согрета душа, и лицо
У России в купели умыто!

... Над полями от звёзд стало очень светло,
Будто ночь прошлый день воскресила.
И, укрывшись, как пледом, пуховым крылом,
Под Архангелом дремлет Россия...

Голос Христа

Через молитвенный шёпот берёз,
Вой раздирающий белой метели,
Огненный рокот неистовых гроз,
Птичьи в лесу мелодичные трели,

Через теплейшие в небе уста,
Через мои раскалённые вены,
Слышу я праведный голос Христа,
А от Него – пенопенье Вселенной!

Голос духовный не слышен в ушах –
Он восклицает и в сердце, и в клетках
Собственной плоти, где с кровью душа
Всё заполняет нутро человека.

Не заглушить эти звуки грехом:
Если услышишь – почувствуешь сразу
Силу Христа под нательным крестом,
Где нераздельны и воля, и разум.

Голос, как птица, кружит в вышине,
Только прошу я одно несомненно:
Чтобы Христос был со мной и во мне,
Чтобы любовь лишь цвела во Вселенной!

...Часто виднеется тьма впереди,
Мир во грехах, как в грязи, утопает:
Слушайте Голос Небесный в груди –
К Божьему Свету он нас призывает!

Генная память

Там за речкой, за девственным лесом,
Где зарю воскрешает восход.
Под берёзово-хвойным навесом
В землю врос покосившийся ДЗОТ.

Недалёк путь до этой поляны:
От деревни – рукою подать.
Маскируется холмик в бурьяне,
Что вблизи можно не увидеть.

Я всегда прихожу к тем берёзам,
Мимо места того не пройду...
Под каким-то глубоким гипнозом
Я на окрик живейший иду.

И какая-то странная сила
Поднимает воинственный дух:
В сорок первом я вижу Россию –
Слышу грохот, пронзающий слух.

Вижу адские в поле атаки,
Вижу тот сокрушительный бой
Через щель смотровую из танка,
Будто сам я на передовой.

Мы врага разрываем на клочья,
И не чувствуем боли от ран.
А над полем потом, что есть мочи
Штурмовик наш пошёл на таран.

В жилах кровь закипает всё злее
За потерянных близких друзей.
Только враг нас намного слабее
В рукопашном. И духом слабей!

Били мы, словно мух, чужеземцев,
Гнали в шею врагов, будто псов.
Пробудилась у нас где-то в сердце
Память генная дедов, отцов.

...Покушалось на Русь много бесов, —
Память генную нам не стереть:
Потому над берёзовым лесом
Будут птицы по-русски лишь петь!

Поле счастья

Снег метался. Ветер в спину
Дул попутный мне – силач!..
Отчий дом, как вор, покинул –
Канул, как осенний грач.

Вдаль поплёлся без оглядки,
Подпоясав ремешок,
Прихватив стихов тетрадку –
Вдохновения мешок.

И собрал обиды с горкой,
Затолкал к себе в рюкзак,
Чтобы с пылью, как махорку,
Всем чертям раздать «за так».

Взял кулёчек с чесночиной,
Ведь карман не жмёт запас:
Много всякой чертовщины
В жизни встретится не раз.

Не забыл ведро, где слёзы –
В нём предательства букет.
Пусть их в лёд скуют морозы,
Пусть завянет пустоцвет.

Этот груз нести далече...
Путь пройду и скину с плеч.
А пока зловещий кричит
Хочет к "лешему" завлечь.

Знаю, близко поле счастья:
Вот виднеется просвет.
Сердце рвётся вновь на части,
А его всё нет и нет.

Одолел я брод и рощу,
Все зловещие места:
Вижу, стелется как площадь
Поле счастья во цветах!

...Прошептал: "Господь, спасибо,
Что дышу, и я живой".
И сгорел огнём вдруг синим
Этот груз над головой.

Я – не первый сын России

Я – не первый сын России,
Не последний, дай-то Бог:
Не опустим глаз в бессилье –
Духом крепок наш клинок!

Не блистая в шумной славе,
Я, за люд честной склоняясь,
Закалю по воле нрава
В этих строчках правды вязь.

...Кто-то властью недоволен,
Кто-то молится, кто пьёт.
Журавель над русским полем
Песню жалобно поёт...

В сердце дух живёт бунтарский,
И неведом нам покой.
Я манер свой хулиганский
Развяжу одной рукой!

Я – за Русь, за правду слова,
За великий наш народ!
Пыль в глаза для нас – не ново,
Что кидает этот сброд!

За спиной смеётся смело,
С жиру бесится, поёт
Чужеземец очумелый:
Мол, Россия пропадёт.

«Вот вам «шиш!» – кричу, – славянский!
За Россию постою,
А со мной народ крестьянский!
Не осилишь рать мою!»

Крик души на колокольне,
На облезших куполах.
Тает снег в раздольном поле,
Как душа моя в слезах.

Я Россию воспеваю,
А они в позор – лицом.
Вновь рубаху залатаю,
Подвяжуся пояском.

...Обниму берёзку силой
(Я признаний не боюсь)
И скажу: «Люблю Россию,
Как любил Есенин Русь!»

Наследники Победы

Трещало небо. Не смолкали позывные,
Шипел эфир, а значит, где-то был обрыв...
И будто волки за рекой "Катюши" выли,
Но били мимо... А потом – хлопок и взрыв!

Истошный голос пробивался сквозь помехи:
– «Гранит»! Ответь «Топазу»! Ну, «Гранит»,
«Гранит»!
Трещали дзоты от бомбежки, как орехи,
И воздух плавленный был пулями прошит.

И артобстрел. Нам так нужна была подмога.
Пропала связь. Но было поздно отступить...
И обезумевший связист кричал с тревогой:
– «Топаз», ответь «Граниту»! Ну, ети их мать!»

«Топаз» молчал. Рычали "Тигры" за деревней,
Скулили "Мессеры". Мы были в западне.
В ушах звенело, и уже сдавали нервы,
И всё горело в сокрушительном огне.

Пылала ночь. А утром тучи грозовые
Пролили дождь. Тогда погиб наш целый взвод...
И навсегда замолкли в трубке позывные,
И почернел за лесом розовый восход.

Таков рассказ был деда... Сам ведь напросился:
«Ну, расскажи, дед, про войну, да что там,
как?...»

Он не любил излишних «басен», даже злился...
А я сидел и нервы зажимал в кулак...

... Пришлось немало в разговорах мне изведать
О той войне и о начале всех начал.

А дед гутарил: «Вы ж – наследники Победы!»
«Не разбазарим, дед!» – я гордо отвечал...

Предатели Родины

За что не любите Россию?
Ведь в жизни Родина одна!
А вы попали в ту стихию,
Где правит балом сатана.

Быть стало модно олигархом,
Лопатить жадно капитал
С заморским западным размахом.
Буржуйский клан – он не вассал.

На всё готов он ради евро –
Предавший Родину долдон,
Нет выше для него «шедевра»:
Урвал кусок и... за кордон.

А что крестьянин? Всем доволен:
Растут хлеба и зреет рожь...
Душою светлой в поле волен,
И не продаст он Русь за грош.

Грустят заброшенные пашни,
И доли кроет целина
А как ведь жили днём вчерашним?
Страдой шумела вся страна.

А ведь Россия вас растила,
Кормила хлебом с тех полей.
Взамен же много не просила –
Не предавать любви своей.

За что вы предали Россию?!
Что ваша жизнь? То куш, то долг.
Она, конечно, вас простила...
Но, вот, простит ли русский Бог?..

О Безымянной высоте

В глуши берёзовой – под сердцем у России,
Где с Божьих рук на свет пролилась красота,
Под океанской широтой небесной сини
Стоит отважно та святая Высота!

Земля геройская под небом вечной славы,
Бывает, плачет после тысячи невзгод,
Когда накинёт вдруг война аркан кровавый
На Русь Святую и наш праведный Народ.

Под этим гнётом окровавленным не сдались
России воины – врагу наперекор!
И, не жалея живота, как львы сражались,
А в рукопашном был суровой их отпор.

Склоним колени пред героями Сибири –
Боль ветеранская не сохнет на глазах.
Мы Ваши подвиги, поверьте, не забыли:
Мы будем помнить их и в счастье, и в слезах.

Сполна хлебнуло Ваше поколение горя,
Но отстояли свою честь и наш покой,
А звуки памяти, душе народной вторя,
Слезой прольются и всеильною мольбой.

На этом месте, где землянка в три наката,
Берёзы стройные и чистый небосвод.
И имена сибирских храбрых тех солдат, и
Мемориал, что память нашу стережёт.

А край Калужский был ведь вовсе незнакомым
Сибирским воинам, прославленным вовек...
Я каждый год иду к землянке той с поклоном,
В Победный День – когда ликует человек!

Господь не приведи

Не дай мне, Бог, увидеть времена,
Когда Эпоха дышит в небо смрадом,
Когда уходит в вечность тишина
От пушек полевых и залпов "Града".

Стареет век – не меньше от того
Становится злодеев на планете.
И если встретишь «в доску своего»,
Так только в нищете или в Поэте.

Господь, не приведи в такой удел,
Не дай, Господь, стать кровожадным зверем.
Хоть гордость я свою отныне съел –
Питаться чёрствой ложью не намерен.

Накрыла темнота... И лишь Господь,
Как верный Поводырь, ведёт к восходу.
Но кто-то страх не в силах побороть:
То рухнет, то встаёт в слепом походе.

Боюсь, что мир испортится вконец,
Протухнет, словно ржавая селёдка.
Сменяет подлеца хитрей подлец,
И на Руси вольготно вору только.

Не дай, Господь, узнать среди друзей
Заклятого врага в злой перепалке.
Кричу толпе: «Да будьте же добрей!»
А мне в ответ летят то брань, то палки.

«Храни Вас Бог!» – я им шепну вдогон,
А время спишет много разноречий.
И вспомнят люди Господа Закон,
И станут жить, быть может, человечней...

На закате

Закат зацепился за мёрзлые сосны,
Порвался, как ветхий брезент.
И манной просыпалась звёздная осыпь,
И месяц застыл, как цемент.

А вечер уполз в потаённые дали,
Как уж, завивая хвостом,
Где в сумерках филин озябший страдает
О чём-то о птичьём своём...

А я загрустил о своём – человечьем,
И вздыбилась что-то душа.
Мне ветер присел на уставшие плечи,
И стал тяжелее мой шаг.

Я шёл не спеша по горбатым сугробам
На добрый мерцающий свет
В заоблачной выси морозной природы,
Где спит лежебока-рассвет.

Познаю с печалью немало материй,
Изведаю путь «в никуда»...
Когда мы грустим – свято в Господа верим!
А в радости, вот, не всегда.

И где-то за сонной таинственной чашей,
Вся в инее белом от слёз,
Беседует с Богом о маленьком счастье
Душа на макушках берёз.

Когда моей души простынет след

Когда моей души простынет след,
Меня не будет здесь – я буду где-то...
Проявится однажды мой портрет
На кромке неба в тускловатом свете.

Из мелких звёзд нависнет полотно,
Зацепится за месяц над деревней.
А утром облик смоеся волной
Небесной и расплачутся деревья.

И голос где-то звучный запоёт
На лад моих стихов в туманной стыни
О том, как в мае яблоня цветёт,
Как в поле пахнут травы молодые.

Как в сентябре подвяленные дни
Пропитаны кострами жжёных веток,
И как меня сверчок в поля манил,
Где клевер отцветал под шёпот ветра...

Прольются звуки самых громких строк
В простом стихе под отблески зарницы.
Мы жизнь свою живём, как будто в долг,
Чтоб в небесах с процентом расплатиться.

Не верю, что уйду я, как вода –
В песок сухой, но верю в Божьи силы:
Что Он меня назначит навсегда
Служить дозорной птицей над Россией!

В Победный День

Лучи рассветные сиреневого мая
В ресницы влажные с прискорбием вотру:
В Победный День душа неистово рыдает
И торжествует, как безумная, вокруг

Земли российской. А для счастья нет границы,
Но есть и грусти место в этот славный день.
Ликуют сёла и парадная столица,
Тайком всплакнёт бабуля и заплачет дед...

Горят рассветы в синеве ещё багряней,
Намного строже и тревожней их подъём.
И реют зори, как лампы генералов,
А птичий шорох в тишине – как будто гром.

Пылают красные на мраморе гвоздики,
Что возложили люди к Вечному огню.
Везде и всюду гомонит народ Великий,
Стоят солдаты по стране в одном строю.

Стоят берёзы смирно в вечном карауле
У монументов славы дедов и отцов.
А журавлиный крик прострелит, словно пулей,
Прохладный воздух над могилами бойцов,

Где не увидишь ты шикарные тюльпаны,
(Порос бурьяном деревенский обелиск).
Лишь ветер здесь живёт и свежие туманы
Доносят вой "Катюш" и миномётов свист.

А я принёс букет из полевых ромашек
На холмик низенький у клеверной межи
Бойцу без имени, который был из наших,
Который жизнь нам подарил ценою в жизнь!

Завоют псы в прощальный час

Хатёнки, сгорбившись, уснули
В седых сугробах, как сурки,
А на краю безлюдных улиц
Собаки воют – не с тоски...

Быть может, чуют волчью шкуру:
Небось, к беде – трагичный знак.
Печные трубы дружно курят
Морозный воздух, как табак.

Трещит на речке лёд хрустальный
По кромке берега – по швам.
А месяц, съёжившись, устало
Плывёт по дымным облакам.

В мозгу вдруг, как из автомата,
Стрельнула мысль по сердцу враз –
О том, что и по мне когда-то
Завоют псы в прощальный час...

Я родом из детства

Я родом из детства, из тёплых бревенчатых изб,
Где пахло похлёбкой и сдобным на противне
тестом,
Из песен раздольных, что пьяный играл
баянист,
Из поля ржаного и речек с водицею пресной.

Я родом из пастбищ, где силу впитал с
молоком,
И был скотный двор мне заместо детсадовских
яслей,
Из пышных лугов, по которым бежал босиком
К озёрам прозрачным – и был я по-своему
счастлив!

Я родом из пепла от летних вечерних костров
И запаха дымного с пряным на палочке салом,
И "классиков" белых на чёрном холсте
большаков,
Которые дождик смывал, но мы вновь
рисовали...

Я родом из тёплого стога дурманящих трав,
И трактора, где у отца я сидел на коленях,
Из влажного ветра под сводами тихих дубрав,
Из чащи шуршащих берёз и разлапистых елей.

Я родом из мрачных развалин Советской земли,
И нищенских полок в обычном «СЕЛЬПО»-
магазине
С напитками «Yuri» и жвачкой-резинкой «Love
is...»,
Из автомобилей «Москвич», а не "bench"
«Лимузинов»...

Я родом из фоток в пыли, из альбомных
страниц –
Их фон чёрно-белый не блекнет сквозь
прошлые годы:
Там счастьем сияют улыбки малиновых лиц.
Я родом из детства – из доброй крестьянской
породы!

Иная Русь

Иная Русь грядёт по лестнице эпохи
Приблудных гаджетов, воров и подлецов.
Сказать, что плохо мы живём?.. Совсем
неплохо!
(Когда глядишь в буржуя сытое лицо).

Ты скажешь: «Зависть! Вот и всё. Завидууй
молча!»
– Чему завидовать? Бессовестной среде?
Где за валюту разрывают глотки в клочья –
Нет благородства, кроме денежных идей...

Иная жизнь. Иное нынче поколение:
Где цену знают лишь «айфонам» и себе!
С гнильцою совесть их, как дряхлые поленья,
И не «спасай!» девиз у них – «сильнее бей!»"

А цену хлеба, вот, не знают, как ни странно.
Увы, и хлеб сегодня стал уже не тот.
Быть может, что овёс иной – чужой, заграничный,
(Откуда санкцией не выставлен бойкот).

Иным стал город в блёсках радужного света,
И как грибы растут повсюду ТРЦ.
А вот в село ты загляни с большим приветом –
Там глаз коли...Но столько света на лице!

Не ТРЦ шумит по центру деревеньки,
"Сельпо"-табличка возглавляет теремок!
И пусть деликатесов там не сыщешь «венских»,
Зато всё есть – от колбасы и до сапог.

Зато народ живёт здесь будто бы пришелец
Из века прошлого в застойных временах,
Где вместо денег им дороже тёплый шелест
Травы сушёной и колосьев настрадах!

Там от Руси не отвернулась Божья милость,
И духом праведным душа её полна.
И понимаешь: Русь родная сохранилась,
А та «иная Русь» — отдельная страна.

О душе

... Ах, если бы душа моя была из пластилина –
Такая же тягучая, как ластик для холста,
Тогда никто б не смог её ничем ополовинить,
Огрызком бы не сделал, как тот ломаный пятак.

Стреляй в неё со злобных уст, хоть матюкай
дуpletом
Картечью из обидных слов, а ей всё нипочём:
Рукой замазал дыры все и позабыл про это,
И плюнул на удачу через левое плечо.

Наставят пусть предатели ей множество
порезов,
Уколов острых тысячу, как спичечных ежей:
Но душу им калечить будет просто бесполезно –
Той раны кровоточащей не надо шить уже...

Ах, если бы душа моя была комком из глины –
Такая же пластичная, как разогретый воск,
В огне любовных чувств была б она неопалима,
Ожогов от пожара не получил бы мозг.

Топчи её, ногами бей, и хоть об стенку тресни!
Ведь сплющить не получится упругое желе.
Но в грусти да не сложится тогда печальной
песни,
И не родится в радости волнительный куплет.

Всё ж хорошо, что есть душа, какую Бог мне
создал:
Такую уязвимую, и пусть в ней есть грехи –
Жива она! И потому летит от счастья к звёздам,
И потому способна спеть и выплакать стихи.

На остановке у вокзала

На остановке у вокзала,
Среди лощёных, сытых рож,
Дремал измученно-усталый
На лоскуте картонном бомж.

Народ, шутя, жужжаться начал
О нём, как будто рой шмелей,
И голос хрипло тут ребячий
Пронзил, как гром, толпу людей:

– Ты погляди, мам, на скамейку,
Что за чудак в углу приснул?
– Да это бомж, сынок! Не смей-ка,
Ты подходить впритык к нему!

– Эх, развелось "иуд" патлатых,
Как по дворам больных собак. –
Швырнула бабка на дебаты
Слова в лицо других зевак.

– Поди-ка, пьяница несчастный.
Такие вот пропьют страну!
Что белый свет копят напрасно?
Путь на погост, али в тюрьму!

Тут шёл сержант холёный мимо,
Бродягу ткнул: «Вставай свинья!»
Дед закурил неловко «Приму»:
– Чем помешал вам, люди, я?

– Да у меня конец кварталки,
А вот с отчётностью – дыра.
Поднялся бич, как из-под палки,
– Ну, что ж, идём, коли пора...

Мальчишки начали стебаться,
А дед окурок сплюнув в снег
Воскликнул взором: «Люди, братцы!
Ведь я такой же человек!»

В глазах его мерцали фото
Из прошлой жизни, как во сне,
Где были дом, семья, работа,
Всё, как у всех, когда-то в ней.

Но как же зла судьба порою:
Стал инвалид, потом – старик.
И люди, что звались «семьёю»,
Все отвернулись в один миг.

Так вот и стал он псом бездомным.
Нет, не от водки канул в мрак.
Но как же больно, как ведь больно,
Когда для всех такой ты – враг...

Сержант повёл, как изувера,
Бродягу, тыкая стволом,
И, в воронке* захлопнув двери,
Повёз его в «казённый дом».

А я застыл лицом, как студень,
В душе моей рванул сосуд:
– Да, в жизни этой много судей.
Страшней всего – народный суд!

...А бабка та вдруг прослезилась,
Как за родную кровь и плоть.
И вслед его перекрестила:
- Ты, помоги ему, Господь...

Воронка*- автомобиль для перевозки арестованных.

*Деревня моя – мать
вечная*

Забытые фантомы

Не та уже деревня... Извистая стезя
Гадюкою ползёт к избушке нищей,
Туда, где время спит, и, затхлостью разя,
Лисою тишина в сусеках рыщет.

Сливовый сад кустистый на гребне лет зачах,
Пронизан паутины тонкой сетью,
А злобные вороны на чучело кричат,
Да каркают на бедное столетье.

Смолистые поленья у ветхого плетня
Лежат в крапиве на трухлявой груди.
И догнивают косы – лишь символ бытия
Того крестьянства, что уже не будет.

И сальная фуфайка, что дед носил всегда,
Висит под крышей старенькой поветки,
Впитавшая пуд соли, где с плеч, как борода,
Пробилась пакля с рыжею расцветкой.

Сдох трактор у сарая, его отпахан срок –
Он отдал долг свой так же, как и люди,
Когда земля дышала и тёплый ветерок
Хлеба России грел на жёлтом блюде.

Не та уже деревня, и я уже не тот,
Блуждаю в пуще тех осин знакомых.
А тихая глубинка зовёт за годом год
Из тех времён забытые фантомы.

Деревня моя – Матерь вечная

Есть одна очень скромная женщина
За столичным дорожным кольцом,
С порицающим взором, застенчивым –
У ближайшей избы под окном:

В телогрейке, лохмотьях поношенных,
Что на вырост одела страна,
Где не туфлями блещет – калошами –
Благородно по-женски она.

Пожилая совсем: локон с проседью
Вьётся через небесный платок,
А из веток берёзы и россыпи
Васильков – на макушке венок.

Разобижено смотрит на дальние
Фонари из больших городов,
А в часовне огни поминальные
Зажигаются с датами вновь,

И поётся молебен просительный,
Воплотить все живые мечты.
Скажет женщина Богу: «Спаситель мой,
Сбереги от людской нищеты...»

Не увидишь её ты на паперти –
Горделива... (что скажешь о ней?)
И пускай она стала, как памятник,
Но жива ещё в той стороне,

Где застыла глухая провинция
По канавам бурьянных полей.
Поспешите туда с ней увидеться,
За труды поклонитесь вы ей.

Не стыдитесь, о люди, той женщины,
Хоть и вид у неё неказист:
То деревня моя – мать вечная,
Взор которой от гостя блестит...

Возвращение

Побежали столбы верстовые
Вдоль асфальта к селу на постой,
Где встречать меня радостно выйдет
Пёс лохматый с хромою ногой.

Притянуло в лесные пенаты,
Словно бурей меня принесло
В этот край далеко небогатый,
Но богатый душой и теплом.

Я и сам ведь приехал не в злате,
Подустал мой безудержный конь.
Прискакал налегке – без возврата –
За спиной лишь в футляре гармонь!

Пусть меха разорвутся хоть в клочья,
Вам, берёзы, о том пропою,
Как среди городской доли волчьей
Не нашёл голубиный уют.

Но я сердцем остался таким же:
Без ума Вас люблю, небеса,
С переливом, как синие джинсы,
В чём красуюсь по милым лесам!

Скину эти «пижонские» тряпки,
Деревенский надену сюртук:
Тут признают меня сразу бабки,
И берёзы, и поле, и луг!

Закричу там у речки с раскатом:
– Я в ту жизнь не вернусь никогда!
Буркнет эхо – лесной комментатор:
– Никогда не тверди «никогда»...

Оголтелая ночь

Оголтелая ночь. Разгулялся буран-шалопай,
И ворвался во двор, будто пьяный сосед-
дебошир.

Стал буйнить, разинув, как лев, белоснежную
пасть,
И сбегал от фонарного света в бескрайнюю
ширь.

Нахлеставшись калиновой бражки, хмельной
дуралей
Завалил в переулке домов обветшалый штакет.
А на утро уснул под сугробами дрёмных полей,
И нарочно сокрыл за древней зигзагами след.

Затрещали с рассветом стволы околевших
берёз,
На термометре ртуть приближалась к шкале
"двадцать пять".
Только тело в холодном поту задрожало, как
пёс,
И промозглые мысли кружили опять и опять...

Эта ночь не давала мне спать, и дымок сигарет
Беспрерывно тянул в дымоход раскаленной
печи,

Где с дровами пылали стихи на обрывках газет,
И от этого ярче краснели внутри кирпичи.

Небо стало светлее, раскрыв голубые шатры...
Мне чайк с леденцом это утро слегка
подсластит.

И полей белизна отразила большие костры
Восходящего солнца. Не нужно других мне
планид.

Я, конечно же, радуюсь искренне новому дню.
Вера в лучшее теплится, правда, вот, что-то с
трудом.

На огрызке газетном царапаю слово: "люблю".
И бросаю безжалостно в печь... И жалею
потом...

Мир нас учит чему-то, но также по-своему глуп.
Мы на ощупь по жизни идём, как по лисьим
следам.

И, глотая слезу со своих недолюбленных губ,
Не поверишь впервые ты собственным даже
слезам...

Осеннее

Когда убавится денёк на птичий скок,
Ржаветь начнут макушки у янтарных сосен,
А пауки последний выплетут стежок
На паутине, чтоб её, как невод бросить

В течение ветра на косяк голодных мух,
Что вот уже одним крылом в природной спячке.
И крайний выгон совершит хмельной пастух
На поле стада. И тут в позе «на корячках»

Придёт картофельный сезон с большим ведром.
И загалдит народ по-доброму на грядках.
Вот-вот... Покажется вновь осень за бугром
На фоне лиственного с ветром беспорядка.

И застучит по дну ведра, как с неба град,
Картошка зрелая, возвысив дух рабочих.
Родня приедет городская на парад
Мешков дырявых и ведёрок. Между прочим,

То будет повод снова встретиться родным.
Картошка собрана. И вот шумит застолье.
А над селом повиснет веток жжёных дым,
И жаль – с ним время испарится золотое

В сентябрьский вечер. Ну, а я гадать примусь
На чуть пожухлой от жары ромашке поздней.
Вдоль речки выцветшей задумчиво пройдусь,
И мне туман промозглый защекочет ноздри

Седую гривой. Сумрак скатится в овраг,
А там зацепится плащом лилово-чёрным
В кустах лозовых, где зардеет, будто флаг,
Картечью звёздной как душлаг изрешечённый.

...Достойный собран урожай, спешу признать,
А для крестьянина ценнее нет подарка.
Я осень хмурю хочу с теплом принять,
Чтоб от картошки на углях ей стало жарко!

Застряло время

Застряло время, как УАЗик
На бездорожье деревень.
Лишь ветер будто вьюн пролазит
Здесь между лапистых ветвей:

Он юркнет в хату незаметно
Сквозь щель под крышей листовой,
И сдует пыль с того портрета,
Где дед в мундире, как живой...

Застыло всё. Заледенело,
Как муха в тусклом янтаре.
И бьют по сердцу децибелы
Святой глуши монастырей.

Побольше бед, поменьше счастья
Сулило время нам во след.
И стал дровами в одночасье
У школы бывший сельсовет.

Заплачет сердце как ребёнок
Слезами горькими – навзрыд,
Как не родившийся телёнок
В пустом хлеву среди корыт,

Где всё ещё лежит беремя
Гнилого сена для коров.
А нынче тут в хозяйстве племя
Лишь крыс голодных и жуков.

И под окном калека-ясень
Мне, словно брат, всплакнёт в плечо
О том, как труд наш стал напрасен...
– Да, что теперь, мой друг? – Ничё...

...Пропало всё. И дух недужный
Возьмётся что-то проклинать...
В России как «пропить» всё нужно,
Утраты ценность чтоб понять?!

До нитки пропахла рубаха

До нитки пропахла рубаха
Ромашковым с потом «амбре».
Вот вечер сырой черепахой
Из облачных выполз морей.

Речная вода, как в колодце
(Без ветра – хрустальная гладь).
Вот-вот, и она разобьётся,
Лишь взмует утиная рать.

Под песнь поршневого мотора
Бежит запряжённый обоз.
На рыжем в дали косогоре
Повесило лето свой нос.

Растаяло солнце за рощей,
Окончен сезонный покос.
И поле походит на площадь,
Где дуб, словно памятник врос.

А ночь поползла, как улитка,
Туда, где кромешная тьма
Висит за погостной калиткой,
И где пахнет жутью весьма.

Но я не готов ещё с нею
Шагать в тот загадочный мир,
Заросший травой зеленой
У каменно-вечных могил.

Дождусь я благого восхода,
И первым лучам улыбнусь —
Там радужней будет погода,
И листьями выпадет грусть.

Наполнит сентябрь картошкой
Бурты* высотой с избу.
И жить станет легче немножко.
И сбудется вдруг что-нибудь...

Бурт — это простейший тип хранилища сельскохозяйственной продукции. Представляет собой валообразную кучу картофеля, корнеплодов или капусты, уложенных на поверхность земли или в неглубокий (0,2—0,5 м) котлован и укрытых слоями соломы (опилок, торфа и т.п.) и земли.*

Томилась похлёбка с картошкой

Томилась похлёбка с картошкой –
Пышал на загнетке чугуn.
Заря, промелькнув за окошком,
На облачном села стогу.

Бабуля ухватом из печки
В заулоч угли нагребёт.
Воистину, добрым словечком
За здравие утро начнёт.

Кольшутся сонные травы,
Роняя, как слёзы, росу...
На сочную в поле отаву
Дед выточил остро косу.

Вон, куры хвосты распушили,
Заполнив «подмости» двора,
А пёс, добродушный служивый,
За мухой ползёт, как варан.

Зовёт меня речка рыбалить:
Удилище взял, червяков.
Сиреневый ветер над баней
Парным задышал молоком.

...То было давно в моём детстве.
Лишь светлая память в душе
Осталась мне, будто в наследство.
И с вербой пасхальный фуршет

Свершил я на каменных плитах
С поклоном родимой земле...
Несчастий бокалы допиты,
В груди мой нарыв отболел.

Но скорбь так за душу хватает,
Что трудно порою дышать.
Жаль, юность моя золотая,
Тебя мне уже не догнать...

Вон липа стоит за речушкой,
Как памятник прожитых лет,
И правнуков смех у избушки,
Которых не видел ты, дед...

Юности тень

Пройдёт года три, или, может, побольше,
Река обмельчает, травой зарастёт.
А нынче на радость (по милости Божьей)
Кувшинка на плёсе дремотном цветёт.

Вдруг вспомнилась мне пасторальная юность –
Отправилась память бродить по лугам,
Где тянет с ветрами синюшная лунность
За тихую рощу – за синий курган,

Где дрогнет закат над зелёной водою,
И лунный посев разлетится в полях.
Там солнце созреет к утру молодое,
И день расцветёт на небесных грядках.

Эх, вот бы на миг нам ещё очутиться
В тумане июльском!... И там заплутать
В прошедших годах, чтобы жизни страницы,
С названием "Детство", ещё полистать.

Но время холодное, словно течение
Извилистой речки, стремится вперёд.
С годами всё больше к природе влечение,
И, кажется, ближе к земле небосвод.

А там, за мостом, будто благостным прахом
Рассеялись звёзды в густой темноте.
Туман поднимается медленным взмахом.
А может быть, юности бледная тень?..

У деревни моей

У деревни моей пронизательный взор,
Медуницей пропахший рассвет.
Протянулся от речки хромой косогор
И нырнул за столбами в кювет.

У деревни моей вид небросок и прост –
Как старушка, грустит на крыльце.
Здесь окольная стёжка ползёт на погост,
А большак* поспешает в райцентр.

Деревушка в поля изумлённо глядит
На неведомых монстров поток:
Стало шумно теперь и соляркой смердит
От железных машин «Мираторг».

Говорят, что деревня моя заживёт –
Перспективу сулит «Мираторг»!..
Нам лишь Бог здесь надежды и силы даёт,
А от них – только сажа да смог.

Целину поднимают заросших полей.
Поглядишь – толку мало, но есть!
Только дела им нет до деревни моей –
Прорастает коммерция здесь...

Не пугает нас бедность и доля невзгод, –
Будет время больших перемен!
Оттого закалённей в селеньях народ –
Он поднимет Россию с колен!

Нищета – не позор, коль она от Христа.
Сохнет зависть тут прям на корню.
Та деревня моя – при родне сирота.
Я не их, я себя в том корю...

Большак* – Прямая, широкая, обычно мощеная дорога между населёнными пунктами (в отличие от проселочной).

Разгулялась позёмка

Разгулялась позёмка под вечер
Непослушно-лукавым дитём:
То запрыгнет с разбегу на плечи,
То по стёжке бежит наутёк!

И щекочет мне космами руки,
Хочет в "салки" играть – так давай!
Подсобит ветер мне вислоухий –
Проводной, неуёмный звонарь.

Прогоню-ка озноб в брэнном теле,
Побегу, как за стадом овец.
Только злится буран оголтелый –
За раскосой невестой гонец.

- Ах, позёмка! Ты девка шальная,
Не угнаться никак за тобой.
Пусть ревнивец-февраль не узнает,
Как зовёшь меня в снежный прибой.

Упадём там с тобой на перину
Из пушистых снегов на холме,
И в пуантах своих балериньих
Грациозно станцуешь ты мне.

Загуляю с тобою в обнимку,
Светло-русая в поле княжна...
Но храни мой визит анонимкой –
Ждёт ревнивая дома жена!

Там в замшелом селенье

Там, в замшелом селенье, где годы считают по
зимам,
От "Покрова" до "Вербного" люд, как в берлоге,
живёт;
Где не держат скота, нет "сельпошных" уже
магазинов –
Раз в неделю им автоларёк хлеб и соль завезёт.

Пять домишек осталось живых здесь на самом
отшибе,
Старики лишь выходят на двор, чтобы псов
покормить.
А в заброшенных избах там бродит
крестьянская гибель,
И рыдает с метелью на пару грудными детьми.

В каждой хате пылится своя родословная
тайна:
Кто-то помер от водки, а кто-то от старости
пал.
И был дом за мостом, где погибла семья
неслучайно –
Смерть за смертью прошлась в отражении
темных зеркал.

Жуть истории злой началась далеко в
«бородатых»

И постылых годах после нашей Великой
Войны:

Молодая семья проживала в той низенькой хате.
Было всё, как у всех на селе обедневшей
страны.

И трудились на благо родного, как батя,
колхоза,

И надежды имели на сытое время Руси.
Жили простенько, сына растили без всякой
угрозы

На расколы, как ваза о кафель, семейной оси.

Эх, семейная жизнь... Что ни день, то
несчастье, то счастье.

Всё бывает: обида и злоба – взрывная волна!

И однажды супруг погубил ту любовь в
одночасье:

Руку поднял на жёнку, и в вечность упала она.

Миновал его суд. В экспертизе – «несчастный был случай...».

Только слухи в деревне живучи, как наглая вошь.

Сын спивался бичом, да отцу обещал ту же участь:

Со скандалами в пьяном бреду всё хватался за нож.

И, допившись до чёртиков, всё же сдержал обещанье –

Он по «лавочке пьяной» отца своего порешил.
Отомстил, мол, за мать, выбрав это ему наказаньем,

И отправился гордо в тюрьму с упоеньем души.

Годы шли. Срок отбыв, он приехал в родную деревню –

В обветшалый свой дом, где и дверь уже сняли с петель.

Новостей никаких. В дровнике догнивают поленья,

А в крапиве испуганно совести прячется тень.

Пару лет пронеслось. Юрка так же был выпить
не промах,
Но казалось, что бед вереницы простыл уже
след
В этом гиблом селе, где попрятались даже
вороны.
Он, увы, не узрел свой последний, похмельный
рассвет.

Обжигало морозное солнце лесную опушку,
На багровом снегу околевший там Юрка лежал.
После буйной попойки ночной остывала
избушка,
Где за рюмку ему в пьяной драке вонзили
кинжал.

Так вот жизнь схоронила заблудшие, грешные
души,
Божий суд был таков, – невозможно его
миновать.
Нам от Господа эта история притчей послужит:
И не важно уже, кто был прав, ну, а кто
виноват...

Корова

...Тошая, выцвела шкура,
Кнутный рубец на спине
(Бил пастушок бедокурый
На луговой целине).

Сбились копыта с годами
Камнями сельских дорог.
Пятна под шеей – медали,
Левый обломленный рог.

Тянет бурёнку дедуля,
Точно, как баржу, бурлак.
Вымя коровье надулось –
Сдюжить не может никак.

Впилась верёвка в ладони,
Тужится дед: «Ну, вперёд!»
Слёзы под кепкой хоронит,
С губ вытирает он пот.

Там за цветущим курганом
На столбовом большаке
Ждёт "скотовоз" и цыгане
Точат ножи на бруске.

Грустная в поле картина.
Только всё ближе финал.
Век небольшой у скотины –
Третью уж дед провожал.

Грустно так стало, смятенно,
Ёкнуло с болью в груди:
Тянется «баржа», и тенью
Следует дед впереди.

Солнце краснело за крышей,
Будто разлитая ртуть.
Слышалось: «Ну же, Малышка!
Скоро закончится путь...».

Соком налилась отава,
Дрогнула неба купель.
Ива прискорбно рыдала
В мокрый у речки репей.

Жаль тебя, моя деревня

Просвистели годы-бури,
Деревенькам сдув подол.
По задворкам квохчут куры
На упавший частокол.

Буря шла из "девяностых",
Как заблудший поводырь,
Облачая дол колосьев
В лебеды густой пустырь.

Березняк порос кустистый,
Где волнился шёлк овса.
Этим заревом пушистым
Грелись тучи в небесах!

Разворованные пашни
Встарь богатой стороны –
В костенелом поле нашем
Не протянешь бороны.

Мукомолка пала крышей –
Мелет лишь муку ветров:
В голых фермах только слышен
Воронья голодный зов!

Жаль тебя, моя деревня,
Не смогли сберечь вожди...
Знай, наступит наше время,
Чтоб твой облик возродить.

Оттепель

Не гудят истошно провода,
Растеклись на стёклышках узоры.
Потускнела в сумраке звезда
И окурком стлела над забором.

Словно ток пронзит меня капель,
Что на шею скатится вдруг с крыши.
Я глотну живительный коктейль
Из туманов и сосновых шишек.

Оттепель в душе и на полях,
Над окном расплачутся сосульки.
Встрепаётся талая земля,
Ручейками чистыми забулькав.

Воздух свеж. И слепит белизна
Тех снегов, нетронутых нисколько.
Настоялась крепко тишина
На берёзах и душистых ёлках.

А метель простилась за бугром,
На меня обиделась, лихая,
Что сейчас пишу я о другом,
И её теперь не воспеваю.

У зимы есть срочные права –
Не прогонит март её досрочно.
Скоро нажурчат ручьи слова,
И стихи набухнут, словно почки.

Пронесутся вьюги февраля,
О своём уходе изнывая.
А пока в листах календаря
Спит апрель и как дитя зевает...

Коровья душа

Июньское солнце плескалось в зените,
Вдруг тучи скалистые встали горой,
И дождик захлюпал – души покровитель –
Над старым погостом в лесу за рекой.

Еловые ветки лежали на стёжке:
Ещё зелены – не спалила жара.
А я третий день, не отведав и ложки,
Всё чаще закидывал "горькой" сто грамм.

Два дня лишь прошло, впереди девятины*...
Томилась корова в щелистом хлеву:
То слёзно мычит, то на время застынет,
Быть может – во сне, может быть – наяву.

Рвалась из цепи, дико шею калеча,
Как будто бы знала то горе семьи:
Что утром хозяин простился навечно,
Подняться не смог, чтоб её накормить.

Бабуля жива, только нет уже мочи
Кормилицу Жданку свою подоить.
Другим ни в какую даваться не хочет:
Копытами бьётся, боясь подпустить.

Еловые ветки под склоном ржавели,
Трагических дней уже сорок прошло.
На пастбище Жданка у речки ревела
В тенистую сторону (там за селом).

Упала слеза, обожгла одуванчик,
И пухом он пал под копытом судьбы.
Коровья душа так тихонечко плачет –
И в сердце коровьем любовь может быть...

К ней мать подойдёт, будто после наркоза,
А Жданка с натугой вздохнёт глубоко.
И в белый бидон, словно мамины слёзы,
Закапает медленно вновь молоко...

Девятины* — поминовение умершего человека на
девятый день со дня его кончины.

Осенняя озимь

На усталый, осенний взмёт зяби
Вышли кони железные в ряд
Сеять рожь, где небесные хляби
Дождевой запустили заряд.

Конь железный ворчит, надрываясь,
А наездник трудяга-шофёр,
До мороза окончить стараясь,
Всю резину колёсную стёр.

И пирует на голых посевах
Оглодавшая чернь воронья.
До весенних ручьёв оголтелых
Будут всходы расти, схоронясь.

Вышел пахарь на поле с молитвой,
И просvirку в сусек он поклат,
Да пред жёлтой склонился раkitой,
Чтобы нового хлеба Бог дал.

Хлеб насущный озимь предвещает –
За труды колосистой Руси.
Всё благое Господь просвещает,
А всё грешное, верю, простит!

Узенькая улочка

...Узенькая улочка в селенье:
Окна меркнут, и прохожих нет.
Как паук, ползёт с небесной сенью
По конькам домишек лунный свет!

Воздух пахнет мятою и луком,
Куры все сховалися в стогу.
Взором я пытаюсь внемлить звукам
Тем, что даже слышать не могу!

Дышит вечер пряно-свежим сеном,
Звёзды засевают полумрак.
В заводи "кикимора" присела –
Лягушачьих хоров ждёт антракт.

"Липой" пахнут белые берёзы,
Лес волнует птичья щебетня.
Ветер дарит аромат навоза
С поля от буланого коня.

Здесь такие запахи привычны,
Где лоснится рожь – там есть навоз!
Август урожай несёт отличный,
В зоревых купаясь каплях рос.

Уши ночь наполнила палитрой
Звуков с переключками сверчков.
Этим музыкантам столь нехитро
Стал я напевать слова стихов.

Будто пламень жгучий – вдохновенье
Светится над нивою души.
Зреют в сердце звуки песнопенья,
Словно рожь в предутренней тиши.

"Конёк" (крыши) — завершающий элемент при кровельных работах, состоит из верхнего горизонтального ребра, создающегося за счет пересечения скатов и дополнительных элементов, которые монтируются на это ребро.

Счастье тут построено из брёвен

Счастье тут построено из брёвен,
Сколько здесь труда: ты погляди!
Только добрый час уже не ровен,
И не ясно, что там – впереди.

Здесь ещё блуждает по болотам
"ЛешачИще" с хмурым "Водяным".
Речка обрастает с каждым годом
Камышом, по лету молодым!

А за речкой той трепещет роща
Из берёзок – плачущих невест,
Где кресты, кресты холмов заросших
Полегли (как будто дёрнул бес).

Выцвел краской на колодце аист,
Или смылся осенью с дождём.
Ива, где с любимой целовались,
Высохла, как щепка, под окном.

Вкус медовый воздуха в закате
Мне наполнил памяти бокал:
Как от мамы папиросы прятал,
В ночь из дома часто убегал

К дубу вековому на кострище,
Где резвилась ночью молодёжь.
Запах дымовой нехитрой пищи...
(Этих всех чудачеств не вернёшь).

Как обрюзгла ты девичьим станом,
Деревушка из далёких лет.
Молодость твоя ушла с туманом,
А мою вчера забрал рассвет.

Только я люблю тебя «старушка»,
Твой с досадой почитаю век.
Также твой всегда: юнец Витюшка –
По крови крестьянский человек!

Предновогодний вечер

Кружится в мареве белом
Снег у фонарных столбов.
Двор ввечеру опустелый,
К ночи бенгальской готов.

В окна гляжу я невольно –
Всюду горит мишура.
Юрка-кузнец «в хлам» довольный,
Полных несёт два ведра.

Счастье сулит нам примета:
Юрка скользит – да в сугроб...
Люд суеверный – поэты!
(Круть я! – назад – в разворот).

В клубе народ краснощёкий
Весело, дружно галдит.
К чёрту все эти мороки,
Ведь Новый год к нам спешит!

Колька – цыган бородатый,
В сани запряг скакуна.
Хмелем морозным поддат он,
Вьётся в усах седина.

Друг мой, ромалэ кудрявый,
Конь не состарился твой?!
Схожи с тобой мы по нраву –
Вихрем, чтоб шапки долой!

В даль тех полей задубелых,
Чтоб ветер-кнут захлестав,
Высек с башки одурелость,
Свежей нам силы придал.

Нас не пугают морозы,
Дух белоснежен и чист...
Песню про "Белые розы"
Пьяный поёт гармонист!

Позаброшены хаты

Позаброшены хаты окрестные,
Сёла скованы дебрями лоз.
И поля теперь кажутся тесными,
Где стоит лебеда во весь рост.

Ах, речушки мои поволокие,
Обмельчали вы воду в тени.
Хуторочки с дощатыми окнами
Тянут нищенства долю одни.

В Святки мается волчье отродие –
Тошно воет опять на луну.
Словно плачут по гибнущей Родине,
Призывая людей всё вернуть.

Повалились таблички железные
С блёклой надписью там – "СПК".
И сторбатились фермы облезлые,
Где живёт лишь печаль и тоска.

Да, любил эти стены я скотные,
Где с телками коров так же рос.
Помню деда рубаху я потную,
Когда грёб он лопатой навоз!

Но когда видел руки те прочные,
Силе русской души я внимал.
Выступали на них жилы сочные,
Кровь бурлила и дух закипал!

И не знал дед, как труд его тягостный
Солью выступит мне на щеках
Через годы с измученной жалостью
К той земле, что лежит на сносях!

Тянешь ты меня, деревня

Тянешь ты меня, деревня, конными вожжами
На опушку, где грибными измокал дождями,
Радуг сноп в воде лоснился на истоке речки,
Густырёвских* яблоч Спасы, сок люпина
млечный,

Где туманила нам взоры клеверная дымка,
Щекотал мне прядью ветер маковку с затылком.
Пчёл жужжанье в цвете липы, пасечные ульи –
Там, в краю моём медовом, где цветёт
багульник.

Молока парного вёдра, стог на летней дойке,
Где лежал пастух усталый в сене, как на койке.
Был и я тем пастушком – деревенским,
здешним,
Кнут мне был не для загона – им стегал я песни!

Позабыл уже те песни, помнятся лишь травы
Тех полей – лоскут измятый, где витал дух
здравый!
Любишь ты меня, деревня, маминым сердечком,
В синем ждёшь меня платочке у зелёной речки!

Первый снег

Первый снег закрепился морозом,
Пёс ликует, снежинки ловя.
Щёки в холод горят алой розой –
Встречу зимушку, благословясь!

Сани ссохлись от знойного лета,
Заартачились кони в хлеву.
Скоро им пропою я куплеты,
За собою в поля позову!

Скоро с вами промчимся по серену*,
Снег ломая полозьями дуг.
Голубеют глаза мои серые,
И со мною поёт ветер-друг!

Лес трещит и под инеем горбится,
Дым из печек клубит над селом.
Дед, скукожась, на дровнях торопится
Крыжевать на дрова бурелом!

Соберёт и отец мой котомку,
Да отправится в чащу костров.
Ясный день не сулит нам позёмку,
В путь-дорожку и я, вот, готов!

Царство леса в узорчатом ситце,
Только слышится гул острых пил –
Я пришёл в храм лесной помолиться,
Чтоб Господь все грехи нам простил...

Серен* – ледяной наст, появляющийся от мороза сразу
после оттепели.

Всё бурьян да бурьян

Всё бурьян да бурьян, взор куда ни кидай,
Покосились все хаты и ставни.
Здравствуй, край дорогой, ты скитальца
встречай
Из дороги тяжёлой и дальней.

Помотало меня, покружило, как лист,
А теперь вот упал под берёзой,
Где мой старенький дом над рекою повис,
Где, как яблоки, падают звёзды.

Подойду не спеша я к реке голубой
И всмотрюсь в отражение неба.
Был и я ведь когда-то такой молодой,
Как цветущая рядышком верба.

Стонет вновь тишина, только псы вот не спят,
Что же с Родиной давешней стало?
И фрагменты из детства, как вспышки, горят
Перед взором, до боли усталым.

...Только аист сидит, как всегда, одинок
На раките в гнезде рядом с вишней.
Сколько лет вот прошло – так найти и не смог
Он любовь, как и я, в этой жизни.

Юность босая

Где ж моя юность босая?
В поле задумчивый вяз...
Ломоть душистого сала,
Пряный из погреба квас.

Там я вставал с петухами
Славить звенящий покос!
Клевера жгучее пламя
Рдело под облаком ос.

Как мне любилося под вечер
Вяло шагать из полей,
Гордо откинувши плечи,
Чувствовать добрую лень.

А ввечеру под стрекозный
Гул у ветвистой реки
Ехать на старом обозе
В сене уложенных кип.

Где же ты юность босая?
Синь медуницы в лесу
Там лебедой зарастает,
Слёзы роняя в росу.

Воспоминания из детства

Январское утро. Мороз под пальтишко
Кусачим клещом заползал.
... Двенадцати лет худощавый парнишка
С усталостью в сонных глазах...

И помнится мне: выхожу на дорогу,
Прощается мама в окне...
Метель завывала с глубокой тревогой,
И крикнул я: «Найда, ко мне!»

Но Найда не вышла. «Как странно», – подумал.
Такого не видывал дня.
А ветер колючий всё дует и дует,
И снег ворошит у плетня.

До школы всего три версты через поле –
По струнной лыжне, да в галоп,
А ветер в бок тычет и жалобно воет,
И шапку мне тянет на лоб.

Порывами он доносил, что есть мочи,
Истошные крики собак.
А утро еще не простилося с ночью,
И сеял рассвет полумрак.

Бежал я к беде, утопая в сугробах,
Неведом мне был тогда страх.
А волк уходил, торопясь, огородом
С добычею тёплой в зубах.

Кровавый лишь след чуть присыпала вьюга,
Присел я, а слёзы текли.
Та Найда была мне, как друг, как подруга,
Что ныне уже не найти...

И понял в тот день, осознал я впервые,
Как больно на свете терять
Родные нам души на склонах обрыва,
Когда их невмочь удержать!

...Прошло много зим с того случая детства,
А жизнь подтвердила сполна:
Судьба к нам порой так предвзята и дерзка,
На возраст не смотрит она.

А я вот гляжу на сегодняшний хутор:
Ты, край мой, совсем одичал...
Сквозь джунгли кустов пробивается утро –
Морщинистый век привечать.

Сенокос

Кругом луга. Блестят на солнце росы,
Повеял мёдом клевер на полях.
Звенят, звенят затупленные косы
От молотков в окрестных деревнях!

Вот цедит молоко парное в сенцах
Бабуля через марлечку в бидон.
Горят в печурке, щёлкают поленца,
А дед по косам молотком – «динь-дон»!

Отбей мне нынче, дед, пошире косу,
Чтоб выкосил я всю траву-полынь.
Пойду в края лугов на ногу босу,
Чтоб пробудила утренняя стынь!

Да где ж ты, моя юность кочевая,
И на каких искать тебя путях?
Наверно, там, где речка ключевая
Вся в камышовых плещешься плавнях.

Но помнят руки старую литовку,
Ведь, как-никак, а я крестьянский сын!
Нет, не забыл я дедову сноровку,
И мне свистит коса всё: «трынь» да «трынь»!

Щекочет пятки мне так нежно-нежно
Ромашковый узорчатый ковёр.
Из-под косы ряды плывут неспешно
И укрывают радужный простор!

И вновь свистит литовка разбитная,
Растормошив мою былую прыть.
Эх, деревушка, ты, моя родная, –
Умеешь сердце с кровью молодить!

Чувства без граници

Под окном распушилась сирень

Под окном распушилась сирень,
Но не рву я лиловых соцветий.
Помнишь, милая радужный день, —
Тот июнь в заколдованном лете!?

Там сиреневый вспыхнул салют
Над моей и твоей головою,
Где хватило всего пять минут
Без ума нам влюбиться с тобою!

Жизнь расставила точки над "і"...
Что сулит впереди запятая?
В нашей чистой, как небо, любви
На ладонях вся выльется тайна:

Что я жить без тебя не смогу,
Ты в награду мне послана Богом.
Посмотри, мои губы не лгут,
И мой пульс учащённый потрогай.

Не соврёт и мой блеск синих глаз,
Моё сердце не лжёт, ты послушай!
Я любовь дорогую нам спас,
Что года не сумели разрушить!

Счастье любит, когда его ждут,
Кто дождался – того не отпустит,
Хоть и часто не в пользу бегут
Те минуты в задумчивой грусти.

Моё кредо – быть вечно твоим!
Пусть мучительно в частой разлуке
Вспоминаю волос твоих дым,
И твой запах, и нежные руки.

Я прильну к твоим теплым ногам,
Как дворняга любимой хозяйки,
И скажу: «Никому не отдам
Своё счастье вовек», – без утайки...

Русским женщинам

В мире этом смотреть можно хоть бесконечно
На течение вод и мерцанье костра, –
А ещё на обличье простых русских женщин,
Что не сыщешь нигде среди тысячи стран.

Их уста, как родник, под играющим солнцем,
Звук прольётся из них – не напиток никак.
А душа, как гармонь! Только тронь, и зальётся
Половодием нот, как в апреле река!

А глаза – гладь озёр, блеск слюды под водою:
Как взглядишься, а там – глубина, глубина...
И смотрел бы всю жизнь на сиянье простое,
И тонул бы, тонул хоть до самого дна.

Я не трезв и не пьян, пусть и в чём-то беспечен,
Но душой не кривя, пропою вновь и вновь
На весь мир об одном – о красе русских
женщин,
В ком исток нежных чувств, в ком горячая
кровь.

Знаю, нет на Руси вовсе женщин невзрачных,
В каждой свой огонёк – непорочности Свет.
Если в них красота так легка и прозрачна,
Значит Богом дана – вот и весь в том секрет!

Нет, не спутать её с заграничными "миссис"
В миллионной толпе, если будет одна.
Красота от гламурных одежд не зависит,
Потому даже в серой фуфайке видна.

Красота – Божий Дар, тот исток вдохновений,
Что тихонько течёт из Господней руки.
Бог ещё наделил их великим терпеньем,
Чтобы Крест свой нести, бедам злым вопреки.

Лебединая стать, несгибаема грузом
От забот, что и сдюжит не каждый мужик!
Овладеет косой, топором, если нужно,
И орудьем, коль враг перейдёт рубежи!

Ей и кротость к лицу, и величье царицы.
Эту русскость души ни купить, ни продать.
Нрав – как буря в степи, то, как в плёсе водица,
И покорна она, и при этом горда.

В ней особая стать, тайна в ней неземная,
Не под силу её никому разгадать:
Как способны и сила, и нежность такая
Слиться в сердце одном? Не понять никогда!

Пусть и руки её от труда заскорузли,
Но целую я их и безмерно горжусь,
Что на свет сей рождён я от женщины русской.
И такую люблю, за такую молюсь!

Красота от Христа – счастье с капелькой грусти,
Чувство нежной любви, то, что есть благодать!
То, что тихо живёт в наших женщинах русских,
Что понять не дано, не дано разгадать.

Ушёл человек

В квартире тоска. Не клубится дымок
сигаретный

На кухне, как прежде. Жаль, время не взять нам
взаимы:

Ушёл человек. Он ушёл на работу с рассветом,
В родной БЛМЗ*, как обычно, в начале семи...

Вдовцом был полжизни, и жизнью, как веник,
потрёпан.

Он был не завистлив и деньги в чулках не
копил.

Любил погутарить за чаем с комическим
трёпом,

А выпьет: всё время под нос себе что-то бубнил.

Хватало забот в холостяцкой и скромной
квартире –

Не все так зубами вгрызаются в сложную
жизнь.

Другой заливал бы в кадык в горемычном
трактире,

А этот себе говорил: «Ты, Санёчек, держись...».

Он был из простых работяг, не алкаш и не
ушлый,

Он был горожанином сельским с крестьянской душой.

Ему бы здоровья просить, прямо Господу в уши:

А он всё трудился, как вол, до конца – на убой...

Едва заступив на последнюю смену завода,
Сменил вмиг он «робу» на траурный чёрный пиджак.

Он был не бандит и не вор, а мужик из народа,
Он был деревенский – любил и коров, и собак...

Всегда подходил с юморком даже к сложному делу,

Хоть петь не умел, но душа была словно гармонь.

Из жизни в то утро ушёл не в больничной постели,

А просто внезапно погас, будто в печке огонь.

Он близок был к новому счастью – всего-то немножко,

Всего две недели тогда отделили мечту,

Когда родилась его внучка – кровинушка , крошка

По имени Саша. И что ещё выскажешь тут...

Я жду бесконечно его в деревушке далёкой
На каждую Пасху, с прилётом седых журавлей.
Но слышатся в сердце живейшие отклики
только:
«Я рядом... Я жив! Не бывает на небе
смертей...»

БЛМЗ – Балашихинский литейно-механический завод.*

У счастья есть запах

У счастья есть запах – всей грудью вдыхаю,
Как свежесть весенних мимоз.

У счастья есть руки: когда обнимает –
То в жар, то по коже мороз.

У счастья есть взгляд – он по-детски застенчив,
В глазах две кометы горят.

У счастья есть стан и осанка и плечи,
Характер – метель января.

У счастья есть вкус мандарина с клубникой,
С оттенком цветов полевых.

И губки налитые соком брусники,
Что слаще персидской халвы.

У счастья есть лик да с улыбкой раскосой,
И с ямочками на щеках.

У счастья есть носик – немного курносый,
И чёрная прядь на плечах.

У счастья душа, как бескрайнее море,
С горячим теченьем «Гольфстрим».
Бывает, что спорим и в мелочной ссоре
Мы гадостей наговорим...

Но счастье отходчиво в споре натужном,
И тут же раскинет мосты.
Мне счастья другого нисколько не нужно,
Ведь счастье, любимая, – Ты.

Ведь счастье – любить бесконечно, без меры
Границы не знает любовь.
И если мы в счастье однажды поверим,
Оно будет вечно с тобой.

Ведь счастье – оно не в шикарных букетах,
Его по-другому куют:
В здоровье детей и полезных советах,
В простой СМСке: «Люблю».

А счастье есть в том, чтобы жить для кого-то,
И, в общем-то, не для себя.
И если с любовью день прожит охотно,
То, значит, он прожит не зря!

Синдром любви

Мнительнее сердце стало к фальши,
И серьёзней к жизни стал запрос.
Чувства наши крепнут, как вчерашний
На Крещенье утренний мороз.

В мире этом жёстком и нелепом
Душу, словно слепок, мнём и мнём...
Я нашёл тебя в далёком лете,
Чтоб любить и ссориться вдвоём.

Юность обманула, но не сильно,
Что сулила – не сбылось чуть-чуть.
Ах, январь, плесни морозной синью,
Остуди мне голову и грудь.

Вот, метель, своим хвостом виляя,
Шоркает лисою меж кустов.
А меня сегодня вдохновляет
Полночь. Снег. И сумерки дворов.

И луна подобием плафона
Светит на небесном потолке.
На экране старого «айфона»
Фото вдруг засветится в руке,

Где твоя улыбка, как сиянье,
Замерцает – и остыну вновь...
Эти наши вздоры – не страданье,
А синдром в диагнозе: «любовь».

Я не актёр

Я не актёр. С тем даром что-то случилось,
Где мог печаль сокрыть за образом шута.
С улыбкой в плач душевную усталость
Я, как слюну, от жажды яростной глотал.

Я не актёр – теперь я слёз не скрою,
Цедить сквозь зубы смех уже не про меня.
Я – человек! Живу самим собою.
Не пряча наготу души, я обменял

Шута обличье на сюртук стилиаги,
Блокнот потёртый и с чернильницей перо.
Покинул роль заблудшего бродяги,
И стал отныне я уже не тот герой.

Я не актёр – себе лишь подражаю
Быть добродушным и удачливым в любви!
Мой цирк судьбы всё дальше уезжает
И растворяется в заоблачной пыли.

Я не актёр – и, значит, Слава Богу,
Мне не приходится кривить своей душой.
Ведь я Поэт – творитель сердцем слога,
Который льётся по крови моей шальной.

Уйду я к цыганам

Когда пошатнётся земля под ногами,
Душа истощится и выбьюсь из сил,
Уйду я, быть может, к беспечным цыганам
В кочующий табор – приюта просить.

И буду свой век доживать на раздолье
Лугов сенокосных в походных шатрах.
И будет мне дом – васильковое поле,
И будет постель на речных берегах.

Не стать мне, увы, прощельгой и вором,
А стал бы – накрал и всё нищим раздал...
Изведаю, как пилигрим, все просторы
Пешком – не нужны мне авто, поезда.

Пропахну костром, черемшою болотной,
Цветами весенними сочных полей.
И будет одна мне с гитарой забота –
Смеяться и плакать над жизнью своей.

И там подружусь я с болтливой цыганкой,
Про счастье её попрошу обмануть.
Пускай нагадает, судьбины хозяйка,
Что будет удачлив и долог мой путь...

Когда опостылет всё, станет погано
В уставшей душе, что в словах не сказать,
Уйду я однажды к счастливым цыганам,
Чтоб с табором в небе костры разжигать.

Поэты пишут неспроста

Порой задумаюсь... И сердце, аж, заколет,
Что, вроде, всё уже я спел и написал:
Про край берёзовый, ромашковое поле,
Про звёздный дождь и голубые небеса;

Про то, что значит слово «мать», и как же важно
В дремучей жизни быть любимым и любить;
О том, как в шею немцев Русь гнала однажды,
И сколько бед пришлось Отчизне пережить.

А может время подошло мне ставить точку?
Талант – в сундук, ну, а стихи – подальше в
стол,
И вдохновению, возможно, дать отсрочку.
Иль в отпуск творческий... Ай, нет же, всё не
то...

Не в жилу так! И ставлю снова многоточье
В своих, казалось бы, дописанных стихах.
Но только в синь закат нырнет и звонкой ночью
Невольно рифмы вновь проскочат на губах.

И как же можно промолчать, когда повсюду
Такая лунность, звёзды – взор не оторвать!
Беру тетрадку, ручку – пусть душа рисует!
И строчки ровные заполнят лист опять.

Не ради блажи и забав мне так угодно –
Во мне словесность, как родник, под сердцем
бьёт!

Когда Поэзия молчит – родник холодный,
Когда поёт – родник горячий там течёт.

Поэты пишут неспроста, не ради славы.
Стихийный бунт в душе невмочь им удержать!
Поток лирический в груди бурлит как лава!
Душа вулканом бьёт, чтоб чувства извергать!

Тихая охота

Охота на грибы – сноровка прежде,
Ну, а потом удача – крупный фарт!
Затишье в роще, только воздух режет
Летающий гулко с веток листопад.

Прошёл по лесу много километров,
Пора назад – не близок путь домой.
А у меня в корзине «дуля» с ветром
И паутина с жёлтой листвой.

Ведь часто отвлекался ненароком:
Купался взглядом в золоте осин,
Смотрел, как муравьи хлопчут скопом,
К зиме готовясь, не жалея сил;

Как плавала лягушка в чистой луже,
Как сойка чинит ветхое гнездо,
Как ёжик от испуга неуклюже
Торопится к себе в пещерный дом.

... И тут внезапно сотворилось чудо!
Я онемел, когда пред мной возник,
Откуда ни возьмись, из ниоткуда,
Красавец в бурой шляпке – боровик!

И он как будто взялся ухмыляться:
– Ну вот, нашёл! Привет, незванный друг!
Но я не в силах был сорвать красавца,
И нож блестящий выронил из рук...

Он шляпку приподнял над пузом сытым,
А я подвластный сердцу своему,
Листвою то сокровище присыпал,
Чтоб тайна не досталась никому.

А мне досталось маленькое счастье,
И хоть в корзине ветер да листва,
Зато унёс я из прохладной чаши
Вот эти строчки – тёплые слова!

Мартовское

Рябится вода на проталинах речки
От ветра и синей слюдою блестит.
Плывут и плывут облака бесконечно
Куда-то, – а солнце за ними бежит.

Начало весны – вид, конечно, неброский:
Мутнеет, как небо, ледовая гладь.
Но скоро примчат из курортов заморских
Скворцы на родные просторы опять.

На юге теплынь, а на Родине – жарче!
А дома и воздух намного вкусней.
Здесь море скворцам – озерцо и лужайка,
И словно Залив – серебристый ручей.

Туман поедает сугробы в оврагах,
И талой водой захлебнулась река.
Нахлынет в лицо животворная влага
От леса прохладного и сквозняка.

... Но солнце уже припекает нам темя,
Течёт половодьем услада в груди.
Кикимора ждёт подо льдом своё время,
Чтоб вновь с Водяным под луною бродить!

Жена Поэта

Жена Поэта – больше, чем жена,
Кудесница творца в любовных узах!
Поэзии служить обречена
И гордо возносить свой титул – Муза.

Доверено ей чтить словесный труд,
Который, словно ветер, переменчив.
В одном лице – любовница и друг,
И лучшая из миллионов женщин!

Терпения не занимать в быту
Той спутнице беспечного Поэта:
Он мыслями и с ней, и там, и тут,
И вечно в облаках летает где-то...

Он – Божья дудка в млечной синеве,
И дружен по-сыновьи с небесами.
Он, словно шмель на скошенной траве,
Бросается в нектар любви и пламень

Её очей... Священный огонёк!
А Музы долг – всегда сверкать огнём,
Чтоб рос талант и выгореть не смог
На вдохновенном поле спелой нивы.

Жена Поэта в чувствах словно ток,
Живой источник в творческом союзе.
Пусть не дано связать ей пары строк –
Но не дано и стать в любви обузой!

А в нашей комнате уют

А в нашей комнате уют и запах каши:
Мне столь приятен тот игрушечный бардак,
Который сладко убирать за дочкой нашей
(Тот хаос творческий, но милый как-никак).

Воскресным утром тихо встану с неохотой,
И в новый день открою шторы не спеша.
Вздохну с досадой, что сегодня не суббота
(От мысли этой вдруг скукожится душа).

Прильну губами и немножечко тревожно
Я поцелуем разбужу любимой сон.
И заблестят мои глаза тоской дорожной,
И прозвенит с напоминаньем телефон.

Ну, вот, промчались выходные, словно кречет.
Сегодня снова мне невольно уезжать...
Прости, хорошая, за наш вчерашний вечер,
За эту ссору, и колючих слов пожар...

Пройдем на кухню – там кипит уныло чайник.
Заварим кофе на дорожку, как всегда,
И помолчим... В окно уставившись печально,
Мы на погоду будем «лётную» гадать.

Такую долю, видно, нам Господь отмерил:
Моя – мешочная, в дорогах, словно нить,
Твоя – домашняя с детьми, всё ждать и верить,
Что в этот раз я уезжаю лишь на дни.

Ну, вот, пора...И я прощаюсь на пороге:
Дочурке в щёчку поцелуй дарю с мольбой.
Шепну на ушко я любимой: «Ради Бога,
Давай не будем больше ссориться с тобой...»

Мечта

... А я хотел бы жить на берегу
С откосом травяным у тихой речки.
Внимать в берёзовом полесье гул
От соловьёв на строганном крылечке.

Ты спросишь: с кем? Конечно, не один!
С тобой, моя любовь. И табор деток.
– А долго? – Целый век! До тех седин,
Когда не кофе утром – горсть таблеток.

А я хочу не виллу – скромный дом,
Где русская печурка будет кашлять
Древесным, как туманище, дымком,
И запахом овсяной, детской каши.

Посеешь ты любимые цветы,
А я примусь на зорьке всласть рыбачить.
Под лунным дуновеньем темноты
Мы залпом будем пить туман горячий.

Там будет, весь в цвету, благоухать
Под липой наш зелёный палисадник.
И будет на костре бурлить уха,
И превратится жизнь в семейный праздник.

Забросим пыльный с дырами мешок,
(Где мусор весь из прошлого) в болото.
Затянет ил – что было, то прошло –
И больше не всплывет плохое что-то...

С любовным упоением души,
Мы будем жить в лесистом захоlustье.
– А скоро? – Ну, конечно! Не спеши...
И счастьем не командуй – может струсить!

...И пусть в сердцах бушует красота,
Течёт любовный океан безбрежный...
И если вдруг не сбудется мечта,
Она позволит вечно жить надежде!

Нежно улыбается во сне

...Нежно улыбается во сне
Та, что спит с дочуркою в обнимку –
(Представляю чудную картинку),
Но меня, увы, там рядом нет.

У неё ресницы – два крыла,
Родинка на лебединой шее.
И без ярких цацек, украшений –
От природы женственно мила.

У меня, вот, нету ни шиша:
Кроме пожелтевшего блокнота,
Да ещё не денежной работы.
С этим – истощённая душа.

Не увидеть нам с тобой Багам,
Может быть и к лучшему всё это.
Только бы скорей настало лето,
Чтоб узреть цветущие луга...

Я же тут порой залью глаза,
Но плечом к плечу шагаю с Богом.
Мне бы подшабашивать немного,
Да кадык потуже завязать,

Чтоб забыл он, где сидит, как спазм,
Безнадёга – тварь, что давит горло.
Мне всё туже руки вяжет город,
Что сожрал былой энтузиазм.

...Там село, наверно, замело,
Вровень по забор стоят сугробы.
Но и хмурым днём благой природы,
Комната мерцает за стеклом

От принцессы, что зовётся – дочь.
И с моими синими глазами,
Так сияет (самому на зависть!)
На меня похожая точь в точь.

В час ночной, возможно, ты не спишь –
Охраняешь сон любимой феи.
Позвонить бы мне...Но нет, не смею
Развязать всю давящую тишь...

Обида

Рассудок мой тает под ливнями мыслей,
Набатом гудит в поседевшем виске.
Вновь думки в башке серой тучей повисли
Над морем обиды в тягучей тоске.

Ну, как переплыть это море препятствий,
В цунами отчаянья как не пропасть?
Ведь был же доверия нажитый панцирь,
Да вдруг дала трещину жгучая страсть.

Сожму в кулаки я последние силы,
Глотать боль не стану, а сплуну её.
Наверно, мне рано ещё до могилы –
Не в пору за речкой кружит вороньё.

Вся злоба в сердцах – ледяная позёмка.
Обида лишь ранит изнанку души,
Пронзая её, как штык-нож селезёнку –
И рану такую уж не зашить.

Ах, сколько же строк ещё выйдет с обидой,
И сколько же слёз моя выльет душа?
Но вера с любовью ещё не убиты,
И стрелки стремительно к счастью спешат!

Я ей шепну: «люблю»

... Я ей шепну: «люблю» сквозь мрак лиловый,
В жемчужные глаза, от слёз заплывших...
«Люблю» – два слога лишь! Всего лишь слово.
Но как оно в груди дрожит и дышит!

Глаза закрою: всё одно, всё то же –
Касанье губ, сердец, и вздох натужный...
А крылья слов, как бабочки под кожей,
Щекочут нашу кровь, щекочат души.

Рука в руке – по пальцам пульс колотит.
Не от волнения дрожь, в поту ладони –
Всё от костра в глазах, от жара плоти,
Где только я обжечься лишь достоин.

Мы жадно ищем счастье в мире мглистом.
Пройдя пятьсот дорог, набьём сто шишек!
А счастье наше так порою близко:
Живёт себе в душе, но тихо слишком.

Прислушайся к нему, – оно же дышит!
Почувствуй, как бежит по вздутым жилам.
Его нельзя купить – то Дар нам Свыше,
Но часто мы его не видим в жизни...

Взгляни в глаза любимые, умойся
Ответным взглядом – солнечной волною!
Ослепнуть в этом свете ты не бойся,
Не бойся утонуть в нём с головою.

Влюбись навеки в небо голубое,
И в эту речку, в лес. Тебе ли мало?
Так вот оно – то счастье золотое,
Так вот она любовь – всему начало!

Для каждого своя звезда на небе
Горит на всём пути, а это значит,
Каким бы ты заблудшим в жизни не был,
Иди на свой маяк, на свет горячий.

Пусть блеск звезды ведёт сквозь мрак туманов,
И с каждым шагом свет горит всё ярче.
Пусть сердце – компас верный – не обманет,
И к счастью приведёт... Никак иначе!

Майское

Май совсем не мается, звучит его гобой
На радостях весенней благодати!
По ветру тянет песню трёхрядная гармонь
В ночной тиши берёзовых объятий.

Май ты мой тюльпановый, шальная голова,
Споил своей сиреневой настойкой,
Июнь уже так скоро войдёт в свои права –
Придёт конец той месячной попойке!

И мы бежим за счастьем – лови его скорей!
Пока блаженство вся земля вкушает.
Черёмуховая стужа цветенья на заре
С похмелья наши души пробуждает.

Пойду к далёким плёсам, где ландыш обронил
Цветок-бокал с пьянящим ароматом.
Там после половодья засох на склоне ил,
И лес пронзают ранние закаты.

Запойный ты, мой май, хоть ветренный, но всё ж
Ты, как и я, по вдохновенью весел.
Тебе на год в завязку! Запомни в сердце дрожь
От соловьиных, первых, звонких песен.

Я другим уже не стану

Я другим уже не стану –
Жизнь поставила клеймо
Мне на сердце покаянном,
А по шее бьёт ярмо.

Груз упряжки давит плечи
Из вчерашних пьяных снов,
Что ж ты, ангел мой, застенчив,
Хмуро смотришь с облаков?

От своей нелегкой ноши
Гнусь к земле, как в бурю клён?
В юной жизни был пригожий,
А теперь засох, как лён,

Молодой душой в безумстве
И в грехах от ярых чувств.
Потому на сердце пусто,
Потому стал мир мне чужд.

Завтра скину я упряжку,
Разобью ярмо в дрова,
В накрахмаленной рубашке
Засучу вновь рукава.

И пойду, вдыхая травы,
По небитой целине,
Где закат кагором алым
На глаза прольётся мне.

...Может быть заждалась где-то
Радость в цвете свежих зорь,
От чего с исходом лета
В сердце ноет мой мозоль?

Дотлел огарком день

Дотлел огарком день, что занял я у Бога.
Спешу исполнить жизни своей роль.
День бабочкой летит в закатно-пыльном стоге
Лучей, из туч пробившихся в юдоль

Тумана, что в тиски сжимает лес ветвистый,
Где, Тот, сверчком на корточки присел,
А после мотыльком в своём кафтане мглистом
Сказал во тьме: «прощай», – и улетел...

Ну, что же, коль пора, прощай мой ясный
путник
Той жизни, где по судьбам в лабиринт
Зовёт меня мечта, а я, несчастный узник,
Ташусь за ней, как старый пилигрим!

Я снова буду ждать тебя с рассветом новым,
Прикинутым в костюме из белых снов.
Восход своим лучом оковы снимет снова,
И я к мечте пойду без всяких слов.

Сожгу до пальцев я сырую сигарету,
И мысли заскрипят тугим смычком
Над сонмищем цветов о том, что землю эту
Могу покинуть, будто ни причём.

Моя Калуга

В небосвод, что сливается с лугом
В самом сердце российских полей,
На ракете взмывает Калуга –
Космонавтики всей колыбель!

Город, где Константин Циолковский
К звёздам путь проложил от Оки.
Там из космоса падают горстки
Золочёных светил лепестки!

Там, где Оптиная пустынь веками
Сторожит всю святыню Руси,
Нашей веры пылает там пламень –
Никому его не погасить!

Жил когда-то Булат Окуджава
В тех краях. Ещё звуки слышны
Его песен про то, как держава
Шла к Победе Великой войны!

Ты, Калуга, из всех к звёздам ближе!
Там луна из ветров косы вьёт,
Над Окою туман солнце лижет,
По течению время плывёт.

Млечный путь над рекой коромыслом
Свет роняет на шар-монумент,
И рисует на бархатной выси
Нам Гагарина светлый портрет!

Посвящается дочери

Таращились звёзды тихонько
На чуткий младенческий сон.
Святая душа под пелёнкой
Прорезала тишь голоском.

Улыбка ту ночь озарила,
Что ярче на небе всех звёзд.
И будто бы с неба Ярило*
Нам в комнату солнце принёс.

Обвили ручонки мне шею,
Младенческий запах, как мёд.
В кроватке капризная фея
Мне песню на свойском поёт!

Пюрешка из сладостной груши,
Молочная смесь в бутылке:
Пусть детство твоё будет лучшим
И счастье несёт налегке!

Глаза – родниковые донца!
Чисты, как весенняя вода.
Кем вырастишь, милое солнце?
То ведает только Господь!

Быть может, ты будешь актрисой,
А может, известный поэт?!
Пусть жизни твоей бенефисы
Минуют печальный сонет!

Вот ночь уже спорится с утром,
Душа под пелёнкой сопит.
Пусть в ярких цветах перламутра
Твой сон безмятежный парит!

Я по рыхлому снегу плетусь

Я по рыхлому снегу плетусь,
В сердце пепел обугленных роз.
И пролил вечер талую грусть
Мне снежинками в стоге волос.

Ветерок меня тычет вдогон,
Губы влажные стынь леденит,
Задувая тоску в унисон,
Где ещё моё сердце стучит

И не знает любовных потерь,
Где предательство – жертвенный нож.
Где я, как покалеченный зверь,
На волка-одиночку похож.

Что бояться людских мне измен?!
По привычке надменно смирюсь.
В ожидании чувств перемен
Очерстветь я душою боюсь.

Только жаль мне двуликих людей,
Что способны любовь запятнать
Ложью чувств на затмении дней,
Где нет места о новой мечтать.

Я ж умею обиды простить,
И покорным могу стать судьбе.
Свято в жизни виновником быть
В чём-то счастье... но только – не бед!

Трагедия любви

Шепчет тишь. Ныряет месяц
В гладь болотную трясин.
Тень синюшную повесил
Серп над рощею осин.

Токовать зовёт глухарка,
А в объятых тишины,
Сигаретным дымом харкнув,
Злой охотник приуныл.

Он под крышей камышовой
Всё охотился на ночь,
А она в кашне лиловом
Ускользала в небо прочь!

Потянул вальдшнеп лениво,
Прокурлыкал журавель,
На сосне глухарь игривый
Защелкал невесте трель!

Зорька в озере умылась,
Оживила всё окрест,
«Дак, тэ-ке, тэ-ке», – полилось.
...Петуховых песен треск.

Зол охотник – бдит коварный,
Приацелив ствол ружья.
Он, как Бог, над птичьей парой –
Он палач им и судья!

Выстрел! Гром! Раздалось эхо.
Порох свежий в нос дымит...
Для него пальба – потеха
(По пернатым душам бить!).

Дым рассеялся, как стая:
Под сосной глухарь лежит,
С ним «невеста» чуть живая –
За любовь отдали жизнь!

Снова тишь. С прохладой утро
Испарилось в облаках,
Шёл домой (как? помню смутно),
Смертный выстрел бил в ушах.

...Есть любовь и в птичьих душах,
Кто бы что ни говорил...
Потому так больно слушать,
Когда плачут глухари.

Метро

Под громадной и шумной Москвой
Распласталось вагонное царство,
Где в тоннелях беснуется вой
Электричек бетонного рабства.

В этом царстве я не был давно.
Вестибюль подмигнёт мне зелёным.
Эскалатор стремится на дно,
Опуская людей эшелоны.

Мир подземный всегда там един
И раздела там нету по классам:
На богатых и нищих судьбин –
Тонут все в одной тестовой массе.

И вдыхают в нём воздух глубин,
Спёртый гарью от выжженных рельсов,
Но чужой, вот, я здесь господин
И, возможно, не те выбрал рейсы.

Тут подземные души метро,
Очерствевшие в будничной спешке,
Каждый день побеждают террор
В этом беге – случайные пешки.

Потому этот страх по пятам
Нас преследует в каменном веке,
И метрошная дней маета
Поглощает добро в человеке.

Только я ведь наземный слуга:
Нет роднее мне милой деревни,
Где густые леса и курган,
На заре петуха возглас первый.

Там в сердцах добродушный огонь
Полыхает лампадой небесной...
Мчит на «Киевский» полный вагон,
А оттуда домой – в край древесный.

Грустный вечер

Вышел вечер в плащёвке туманной
В город слякотный мокрых витрин.
Вновь кафе, что у сквера, поманит
Сеять скуку проблемных лавин.

Приглашу нелюбимую даму
Разделить с ней скупую тоску.
Своей нежностью ведь не одарит,
Ей не в жилу мой слёзный недуг.

У окна я присяду привычно
Провожать взглядом блики машин.
Где ж ты, старый мой друг закадычный,
С кем извели столько кручин?

Не согреться сегодня мне чаем,
Не поможет и звон хрустала.
И подруга, вот, что-то сучает,
Как по вьюге конец февраля!

Вечер хмурился в споре о чувствах,
Всё твердила: «А есть ли любовь?»
Не приемлю, мол, этого буйства!
Я же хмурил с досадою бровь...

Не заладилась наша беседа,
Зря я взялся её попрекать...
Кто любви в этой жизни не ведал,
Моей боли не сможет понять!

Чай её недопитый всё стынул,
Мокрый снег заметал уже след.
Снова холодом жгучим простынув,
Задыхаюсь в дыму сигарет.

Хмель ударил мне в голову сладкий,
И язык еле вяжет слова...
Но душа зарыдала в припадке
По любви, что отныне мертва.

Прощальное письмо

Падал снег за околицей бледный,
Сыпал хлопья небесный дуршлаг.
По утру гложут пьяные бредни
И письмо в две строки: «Я ушла...»

Глаз не радует стразная проседь
В кронах вьющихся, стройных берёз.
Ветер иней так вежливо сносит
На избы деревянный откос!

Видно, просто меня разлюбила.
Чувства те остудила пурга.
Ночью волком измученно выла
Вьюга белая – ветра слуга!

Сяду к теплой печи я украдкой
И рукой онемевшей меж строк
Вылью душу свою на тетрадку,
Яда выплюнув горький комок.

Глупо бьётся любовь на распятье,
Снова с пеплом обиды горит!
Ах, ты, девочка в клетчатом платье,
Зря я душу тебе отворил.

Ноги вытерла, душу испачкав,
Ох, мне долго смывать грязь следов!
Но я спас на погожесть заначку
Из любовных семян васильков!

Днём посею, когда распушится
В моём сердце заброшенный сад...
И, быть может, с другою девицей
Буду спелый срывать виноград.

Старая стёжка

Бронзой вылита старая стёжка,
Что ведёт к журавлям за собой,
Где в закате желтеет морошка
У болот с бирюзовой каймой,

Где безмолвно оплакивал горе
На коленях у кромки реки,
Был с душой в неприкаянном споре,
Погибал от зеленой тоски!

Но мужался, коль слёзы не лечат
От любви, облетевшей как пух.
Помню, помню прохладный тот вечер,
Не забыл аромат нежных рук!

Взгляд холодный висит у затона,
Гривы свесил осенний камыш,
Вслух душа изливается стоном
Да звенит беспросветная тишь!

Не прошепчут теперь твои губы –
Вишни спелые в летнем саду,
Мне любовных признаний этюды.
К ним теперь уже не припаду!

Я пойду по весне в раннем мае
На блистающий ландыша цвет,
И в зелёном, берёзовом рае
Встречу прошлого нежный рассвет!

Сжѐг я молодость

Жѐг я молодость в жизни нещадно,
Взглядом пьяным глядел в суету.
На бутылку уставившись жадно,
В дым пропил голубую мечту!

Не виню никого, только маюсь
От того, что вокруг – одна гнусь.
Я и сам не святой, хоть и каюсь.
Снова гложет меня эта грусть!

Отцвела ты, душа, белой сливой,
Цветом ссыпалась в майский мороз,
Наклонилась к земле, словно ива
От холодных предательских слѐз!

Годы мчались конями шальными
Да неслись в удилах, торопясь,
Где цвели незабудки степные,
А бывало, что падали в грязь!

Ох, я вас потоптал! Вы простите,
Что в пути лишь крошил пустоту.
Был мне ветер полей, как спаситель,
А теперь хоть ложись под плиту.

Не реви ты, душа! Мне б забыться...
Ты любовью насытилась впрок,
Так умри, коль сумела родиться,
Как без веточки гибнет листок!

Кукушка в лесу

Возвещает кукушка в лесу
Так надрывно, что грудь замирает.
Мою молодость тучи несут,
В синеве грозовой умирая.

Так бывает вот в мире большом –
Потеряешь себя и без цели
Побредешь сквозь судьбу напролом
И продрогнешь в житейской метели.

Ну, а я капли прожитых лет
Изопью с родниковой водицей.
Прозвенит мне источник вослед
И душа зажурчит под цевницу!

Проберусь я заросшей тропой
В лес тенистый, где таволга плачет,
Что живу не как все я порой,
Что не жалуется нынче удача...

Но раз носишь меня ты, Земля,
Значит, я тебе всё ещё нужен!
Без меня ведь родные поля
Превратятся в слезовые лужи!

Без меня пересохнет родник
С той водой, что никак не напиться!
Знай, кукушка, твой век не велик.
Да и мне второй раз не родиться!

Перволедеь

Рано-рано я встал на заре
От прохлады колючей и сонной.
Осень спорится зря в октябре
С буревестником зимушки томной!

Перволедеь блестит на пруду,
Чуть присыпано инеем белым,
И красуются всем на виду
Ивы в зеркале девичьим телом!

На болоте морозном хрустит
Под ногами сухая осока.
Вышел дед крайний раз покосить,
Чтоб сховать свою косу до срока.

Отцвела роща – я отлюбил,
И душа вся размокла с дождями.
Я с рекой на мосту рассудил:
Два теченья не схожи путями.

Моё русло объято теплом,
А твоё с раскалёнными льдами.
Для тебя ведь любовь – снег с дождём,
Для меня – солнце над облаками!

Запалила мама в печке

Запалила мама в печке
Щепки высушенных дров.
Стужу злую на крылечко,
Как сулил, принёс Покров.

Загремел чугу́н с ухватом,
Загудел в печи огонь,
И радушным ароматом
Веет мамина ладонь.

Запах теста – запах детства
Позабыл в плену камней,
Этот зов сподвиг на бегство
От высотных крыш теней.

Я возьму ведро и скрипну
Дверью ссохшейся в мороз,
Да пойду к колодцу – крикну,
Потревожив дрём берёз.

Ртом дышу, а пар малюет
Брови белые в снегу,
Вновь душа моя веснует
На проталине в пургу.

Занесу с водицей свежесть
В дом пропахший воском свеч,
Огонёк мне сердце нежит, –
Подложу дровишек в печь.

Приоткрою зольник в печке –
Сквознячок шалит в трубе...
Отчий дом, согрей сердечко
Мне от взрослых в жизни бед.

Распустилась ночь

Распустилась ночь в небе минорном,
Хороводя с дождём октября.
Пламень чувства в рассвете лиловом
Растревожила осень не зря!

Я спокойно бреду по проулку,
Золочёному бронзой осин,
Клён протянет мне голую руку,
Ничего обо мне не спросив...

Знать, меня не признал? Нынче трезвый,
Вот, с тобой поделиться пришёл,
Что я вылез из давешней бездны,
Где себя потерял и нашёл!

Эта ночь от любви очумела,
Не скупилась на вальсы листвы,
Бижутерией крон богатела,
Целовала нам с милой персты!

Повенчало нас утро с погожей
Вереницею солнечных страз,
Что плясали мурашки по коже,
Под осенний, неистовый джаз!

Распустилась ночь в небе минорном,
Хороводя с дождем октября,
Пламень чувства в рассвете лиловом,
Растревожила осень не зря!

Притча деда

Было золотое время детства:
Я, на пузо деда взгромоздясь,
Засыпал под стуки его сердца.
(Он сопел, нисколько не сердясь).

Годы шли, а я тянулся к солнцу,
На «парном» крепчал, как тот телок.
Мне Господь открыл Мирскую дверцу,
Чтоб я выбрал путь из ста дорог.

Деда мне твердил: «Трудиться надо!
В этом мире всё не просто так.
Труд благотворит – вот это правда,
Я ведь зря трезвонить не мастак.

Не завидуй тем, кто жирен телом,
Им о Боге думать не под стать!
Цену хлеба знай: святое дело –
Землю холить, сеять да пахать».

Дед меня журил, я ж ухмылялся...
«Вот тебе ещё такой наказ:
Я по жизни никогда не дрался,
Но за правду можно даже в глаз!

Ты на рюмку не гляди, известно,
Всю не перепьёшь её, пойми...
Будет всё, и верная невеста
Осчастливит славными детьми».

Много вод ушло, не стало деда...
На холме завял букет мимоз.
Много в жизни мне пришлось изведать,
Подставляя под удары нос.

...Постою безмолвно за оградкой,
Время вспять не обернуть часам,
Тишь погоста бережёт загадки.
Прошепчу лишь: "Дед, ну, как ты там?"

Отшумела ты, моя Россиюшка

Отшумела ты, моя Россиюшка,
Листьями застенчивых берёз.
Помахала осень лёгким крылышком
На простынку желтоватых плёс.

Деревеньки отгорели ветхие
Кистями раскидистых рябин.
Обнимает клён густыми ветками
Талию трепещущих осин.

Грузно приземлилось небо к полюшку
Тучами в осинный закат.
Чечевицы кину я воробьшкам –
Скопом налетят на голый сад.

Алым цветом вызрела калинушка,
А с морозом лишь поспеет сок –
Запятнает снег хмельной кровинушкой,
Только тронешь веточку чуток.

Поклонились у калитки вербочки,
Жёлтыми сережками звеня.
Провожал я осень, будто девочку,
Крепко целовавшую меня.

Крикну в небо: «Эх, моя Россиюшка,
Будем живы, коли не помрём!»
Кровь кипит покуда в наших жилушках, —
Мы до вешних листьев доживём!

Дождь унылый

Дождь унылый стучит по карнизу,
Ветер листьями ночь гоношит,
Вдруг прибился к окошечку «сизый»,
Весь сырой – никуда не спешит!

Как и я, без своей он голубки
По пустынным бродяжит дворам.
Может, взять мне рюкзак и две сумки,
Да отправиться в путь по долам?

На двоих будет птичья потеха,
Будут петь нам шальные ветра...
Я бы, может, куда-то уехал,
Мне бы только дожить до утра!

От себя мне б уйти за туманом,
Всю излив молодецкую прыть,
Там посеять все думки о старом,
Всё о том, что не в силах забыть!

...Успокоился дождик-проказник,
Канул, «сизый», в свою гольтьбу...
Он по жизни измученный странник,
Как и я, проклинавший судьбу!

За что меня ругают?

За что меня ругают
И зря клянут в молве?
В беспечности все хаот:
Мол, ветер в голове!

Влюбился я в зазнобу,
В ручьи озёрных глаз.
Хоть сквозь дождей чащобу
Лететь я к ней горазд!

Осенний клён уставший,
Не сетуй, что хмельной.
Стою с тобой озябший
Под лиственной волной!

Каблучный стук изящный
Меня бросает в дрожь,
По улице блестящей
Когда ко мне идёшь!

К твоим щекам багровым
Прильну, чтоб обогреть,
Меня растопишь словом:
«Любимый мой», — «Привет...»

Кабацкая печаль

Средь бутылок и звона стаканов
Спотыкаются мысли в дыму.
Приютился я к стаду баранов,
Иль к себе приручил – не пойму...

Это стадо пасётся за стойкой
Кабака, где тускнеют глаза.
А когда-то душа была бойкой,
Отражалась в очах бирюза.

Каждый блеет в посмешище пьяном:
Где вино – там и блеет овца.
Так и я, вот, стал жалким бараном –
Морда выросла вместо лица.

Знать по нраву мне эта проруха,
Раз кабацкая грусть так пленит:
Приласкает там глупая шлюха
И за грубость мою всё простит.

Только сердце моё холодеет
От фальшивых и подлых овец.
На признанья душа всё скудеет,
Становлюсь, как животный самец.

Ночь-блудница опять застигает
Нетверёзый мой мысленный взор.
На кабацкой "Ямахе" хромает
Многозвучной тоски перебор.

Только, вот, что-то мне не поётся
Под басовую сердца печаль:
Больше плачется, меньше смеётся
Над любовью, что больше не жаль!

Приокские зори

Задрожали берёзки, и ветер
На рассвете немного стал груб.
Ночь посыпала алостью пепел
Над Окой – на другом берегу.

Заблестела река в нежной дали,
Где рождают восход небеса,
А по глади лугов проскакали
Мои мысли на всех парусах.

Храм стоит на холме величаво –
Золотеет его голова.
Православная Русь заскучала
По священному звону едва!

Благовест безмятежно польётся,
Исцеляя сердечную хворь,
А душа вновь синицей забьётся
С перезвоном в сиянии зорь.

И восторгом благим улыбнётся
Сквозь гармонику птичьих бесед...
В синеву глас народный несётся
С вознесением духа побед.

Как же ярко приокские зори
Вяжут звуки по сонным лугам.
На церковном пролившись заборе,
Тянут луч к золотым куполам!

Больше ты меня не жди

Больше ты меня не жди
У заветного местечка –
Моросят в душе дожди
За холмом, где наша речка!

В небе плачут журавли
О прощальной встрече нашей.
Мы любовь свою нашли,
Только вдруг разбилась чаша,

Что не склеить никогда,
Хоть кричи, а хоть убейся!
... В речке талая вода,
Ты опять в то лето лейся.

В даль неси за горизонт
Те слова любви и страсти.
Пусть ласкает их восход,
А потом сожжёт, как пластик!

Никого уж не виню...
Больно было – стало меньше...
Но в душе я сохраню
Те слова любви ушедшей...

Что наша жизнь?

Что наша жизнь? Сплошной обман,
А в ней судьба – игра без правил.
Так мыслей облачный туман
Меня, заблудшего, причалил.

Постиг предательств океан,
Где дрейфовал, увы, без вёсел.
Был предан мне один стакан –
В нем утопил я столько вёсен!

Побед амурных не копил,
Терпел бывало поражение,
Но, всё ж, кого-то я любил,
Имел к кому-то сожаленье.

Себя ни капли не жалел,
Хрипел душой в угаре пьяном,
И пыл безудержный смирил
Свирепым гаснущим вулканом!

И каждый чувственный порыв
Мой истощал поток желаний,
И, от страстей чуть поостыв,
Я размотал клубок страданий.

Но стоит ли себя терзать
И утопать в плену мечтаний?..
Но, чтобы счастье испытать,
Не миновать нам тех страданий!

Боль моя

Боль моя поутихла с годами,
Как осенний порывистый дождь.
Что осталось, сжимаю губами,
Чтоб не выдать холодную дрожь.

Не хочу я дружиться с печалью,
Мне под дых она бьёт не впервой.
И веселья мне нет у причала,
Где кораблик расклеился мой.

Суждено видно мне небесами
Жизнь в скитаньях свою провести,
Лихо мчать по ветрам с парусами,
Чтобы счастье своё обрести.

По судьбе я отправлюсь с гармонью,
Не скуля, а с задором на зло.
Чтить не стану я то, что не помню,
А что помню, уже всё прошло.

Только вот у калитки берёзка
Мне наплачет по осени грусть.
Память старой скрипучей повозкой
Привезёт мою молодость пусть!

Колокольная боль

Колокольная боль в наших душах,
Горечь слёз уж теперь не унять,
Не становятся плачи те глуше,
И не в мочь мне ту явность принять!

Ворон чёрный бедует зловещно,
Тянет скрипом тревоги струну.
В этом мире, увы, всё не вечно,
Мы всегда в ком-то ищем вину!

Бог даёт нам, и Он забирает,
А в глазах страх потери вопит.
Сердце болью тот крик раздирает,
И сосуд всех несчастий испит!

Зря твердят: время раны залечит –
Всё равно им кровиться в груди!
Этот сон беспощадный не вечен,
Только памяти вечен мотив!

Не стереть нашу память годами,
Помнить близких мы будем всегда.
Что начертано нам небесами,
От того не сбежать никуда!

Лишь в чудесный денёк Светлой Пасхи,
Я с печалью приду на погост,
И скажу про себя без огласки
За родню свою памятный тост.

Ветерок молодой, больно нежный,
Принесёт нам посланье с небес
О Божественной силе надежды
На великую правду чудес.

Чёрный всадник

Будто явь, а вижу сон:
Мчит за мною Чёрный Всадник,
Бьёт коня большим хлыстом,
Гонит в страшную засаду.

Через призрачную ночь
Я бежал по воле страха
От нечистой силы прочь
В белой ситцевой рубахе!

Грешен, видно. Значит в ад
Всадник Чёрный этот гонит,
Где разит повсюду смрад,
И грехи, как на ладони.

Ближе, ближе звон копыт,
Смерть торопится за мною.
Бог мой, где же Ты сокрыт?
Я ж молился пред Тобою!

Не хочу сгореть во зле,
Круги ада мне не «в жилу»!
Мне б остаться на земле, –
Рано в адову могилу!

Не уйти, знать... Вот он час
Роковой – чернее черни.
Помолюсь в последний раз...
И терзайте душу, черти!

Вдруг растаял жути мрак,
Небосвод стал синь и светел.
Это был Господний знак –
Превратился Всадник в пепел.

...Видно, так уж я грешу,
Что тот Всадник за спиною
Бьёт по пяткам, я ж пляшу –
Он стебётся надо мною.

Спотыкаюсь я порой,
Но назад не озираюсь,
А вперёд иду с мольбой
Да на нечисть огрызаюсь.

Много лет, увы, грешил...
Жил с обыденной тревогой.
Много ль надо для души?
Очень мало – верить в Бога!

Мысли угрюмые

Зазвенели угрюмые мысли в колки,
И так больно в груди моей ноет.
Точат кошки опять там свои коготки,
Черти снова мне косточки моют.

Эти мысли кричат и парят над землёй,
Словно птица с огромным размахом.
Подружиться бы мне с невесомой звездой,
Полететь бы, как лёгкая птаха.

А звезда в вышине всё горит, как маяк,
Сквозь туманы – мои неудачи.
Ты не падай, свети, без тебя мне никак –
Только мёртвый душою не плачет...

И заплачет душа, нервы болью кроя.
Что ж, пусть плачет – она бесприютна.
Но подыметя ввысь, в голубые края –
Будет счастьем пьяна беспробудно.

Обретёт вновь покой, будет ярко сиять
И не будет метаться сквозь тучи.
Приручит её Бог – приручит и меня,
Всею Своею любовью могучей.

Сердце поэта

Кровь порочного сердца поэта
Горяча, словно лава земли...
Лишь прощальной песней сонета
Проводил я свои корабли.

Потому под лопаткой кольнуло,
Будто штык через грудь мне прошёл.
Словно смерть мне в глаза заглянула.
Я ей плюнул в лицо и ушёл!

Ой, ты сердце моё, только бейся,
Мне и дня не прожить не любя.
Вдоволь свежую кровью налейся,
Опосля я напьюсь от тебя.

Как рубашка, заштопано сердце –
Боль чужую терплю и свою.
По весне я с душою младенца
Выйти в поле хочу на уют...

Там напьюсь я любовью цветущей –
Полной грудью глотну, как вино.
Принесёт на ветрах день грядущий,
Все мечты, что простыли давно.

И пускай соловьиная песня
Свой бальзам в мою душу прольёт,
А скворец принесёт (добрый вестник!)
Мне тепло, и душа оживёт.

Зацветёт в мае ландыш пахучий,
И так сладко дурман опьянит,
А мелодия нежных созвучий
На ветрах молодых полетит.

Кровь порочного сердца поэта
Горяча, словно лава земли...
Не сгореть бы в пожарище этом,
Не дожив до любовной весны!

Не смеюсь, не кричу, не рыдаю

Не смеюсь, не кричу, не рыдаю:
В час крошечный я духом иссяк.
Но злодейку-судьбу зря не хаю,
Что душою, как тесто, размяк.

Где же, где та калина у речки,
Что, склонившись, умылась водой?
Сердце мне обогреть бы у печки,
Окунуться бы в рожь с головой.

Город здесь не блистает любовью,
Лишь от злобы по-волчьи дрожит,
И не свыкнуться с давешней болью, —
Сердце там, где лоснятся межи!

Очерствела душа, всё ей тошно
Без берёзок-девчонок, полей.
Знать, кидает судьба мне нарочно
Эти тяготы прожитых дней.

Где бы я ни скитался по свету,
Вспоминаю родительский дом,
Что так дорог и близок поэту:
Дом и Родина — слово одно.

Кличут гуси меня в мой родимый
Край берёз и извилистых рек.
Ты мне будешь до гроба любимым, –
Врос корнями в тебя я навек!

Огонь в печи горит неспешно

Огонь в печи горит неспешно,
Изба остыла по утру,
А ветер воет так небрежно,
Что будит сон не по нутру.

Не спит и мать, во всю хлопочет,
Такая рань – ещё темно.
В стекло стучит, ворваться хочет
Синица в мёрзлое окно.

Отец кряхтит – с похмелья тяжко.
Закурит молча у печи,
И кружкой подоспевшей бражки
Обмоет утра он почин.

В сенях соскучатся салазки,
Петух устало крикнет вновь.
А за окном метели сказка
Разбудоражит мою кровь!

Стихия снежная бушует,
Пёс в будке съежился, дрожит.
А в поле дуб стоит, горюет,
Там, у заснеженной межи.

С метелью он сегодня в схватке,
С той, что тревожит его сон
Про то, как был он в летней шапке,
Как был в берёзу он влюблён.

Приснилось, что она в серёжках
Пред ним раскинула наряд,
И, шелестя на чистых стёжках,
Всё на него бросала взгляд.

Шептала всё о светлых чувствах,
О том, как маялась сто зим:
«Ведь без тебя мне в роще пусто,
И без тебя восход не зрим.

Ах, жаль, не выйти нам навстречу,
Вдвоём не выбежать к реке.
Удел наш здесь с тобою вечен —
Хранить своей любви секрет».

На той любви, видать, заклятье,
Что не сплестись ветвями им,
... Грустит берёзка в белом платье,
Горюет в поле дуб один...

Подем, подем мчим в санях

Подем, подем мчим в санях,
Снег позёмкою взрывая,
Ветер с нами на бровях
Свистом песню напевает!

Вот прищурил мне глаза
Серебристый снег на солнце.
Краснощёкая краса
Вновь стучит в моё оконце!

Конь мой ржёт! Гони, гнедой!
Я сегодня пьян от счастья!
Ты лети, лети стрелой
Вороной крылатой масти!

Ты несись за горизонт –
Наша Родина широка.
Унывать какой резон?
Синью режет оба ока!

Спой о милой, ветерок,
Да про сладкие губёнки.
Я и пьян, и весел впрок,
И коня хлестаю плёткой!

Пелена белым-бела,
Растелилась – нету края!
Мне пора снегов мила!
Я не знаю краше рая!

Растелился туман

Растелился туман над рекою,
Все окутал леса и поля.
Окунись в эту ночь с головою,
Как безродный кутёнок скуля!

Спит деревня. Она утром ранним
Мужиков «наострит» на покос.
Ну, а я загрустил, вот, о давнем,
Вспомнил прядь твоих светлых волос.

Вспомнил, как целовались у речки,
Как на лодке мы плыли, смеясь.
И горели глаза, словно свечки...
Ах, как жаль, что тот пыл наш угас.

Помню запах травы в стоге спелом,
Утопали мы в ласках любви.
И в дыханье румяного тела,
До зари нас зови не зови!

Ты сейчас далеко – в мире новом,
Ты любима и в счастье живёшь...
Но по встречам в закате багровом,
Как и я, может, так же всгрустнёшь.

...Иногда эта грусть ненароком
В сердце колет меня, как иглой.
Но не будет мне здесь одиноко
С этой памятью вновь под луной.

Я смотрю в небеса

Я смотрю в небеса, вновь упала звезда,
Растворилась она за туманом.
Загадал я желание то, что всегда:
Чтоб была ты, любимая, рядом!

Ни звонка, ни письма мне почти уже год,
Видно, твёрдо расстаться решила.
Ну, а я всё гадаю: «Возможно, и ждёт.
Или, может, уже разлюбила?»

Зазвонит телефон – всё надеюсь, что ты.
Давит сердце мне эта тревога.
А я вспомнил, как нёс на свиданье цветы,
Как тебя целовал у порога.

А теперь невдомёк: что ж тебя не сберёт?
Вот брожу по ночам и тоскую.
Может, всё же придёт мой заветный денёк,
И опять я тебя расцелую.

Я смотрю в небеса – вновь упала звезда,
То желанье одно приумножив:
«Я тебя не забуду, клянусь, никогда,
Но и ты не забудь меня тоже!»

Тропинка

Уж завьюжило нашу тропинку
По которой гулял я с тобой,
А вот ныне, с луною в обнимку,
Я с поникшей бреду головой.

Много дум голова растрепала,
Много женщин я встретил спустя...
И тревога мне душу сковала,
Ветер вслед что-то шепчет, шутя.

Ни в одной не нашёл я отраду:
В каждой видеть хотел я тебя...
Но дорожка к вишнёвому саду
Заросла у гнилого плетня.

Не смогли мы сберечь наши чувства,
Чувства те, что не ведали пут.
Как избавиться от безрассудства,
Как собрать счастье сладких минут?!

...Уж завьюжило нашу тропинку,
По которой плетусь я домой.
Урону на щеку вновь слезинку,
И поникну опять головой.

Весна

"Мать-и-мачеха" скатёркой
Растелилась без границ.
И дрозды щебечут звонко
В светомузыке зарниц.

Трели в душу мне запали:
Сокол вольный, я с тобой
Полечу в степные дали,
Где лишь счастье и покой.

Воздух Родины вдыхая,
Захмелею, как с вина:
Эх, гуляй, душа нагая,
Пробудись-ка ото сна!

И забудь про все печали,
Ведь не время нам грустить.
Небеса нам приказали
В счастье, в радости прожить.

А весна – пора творенья,
А весна – пора любви.
Сладость терпкого волненья,
По моей бежит крови.

Ветер вьётся шустрым бесом!
Ветер бойкий, ты мой друг!
Закружи над полем с лесом
Так, чтобхватило дух.

Что нам всякие напасти?
Нам ли в пору горевать?!
В жизни множество ненастий,
А весной – всё благодать!

Загляну в твои глаза

Загляну в твои глаза:
Они промёрзшие до дна...
Не родится в них слеза,
Хоть ты прекрасна и скромна.

Говоришь, что ты скучаешь,
Что ты привязана ко мне,
А сама не понимаешь:
Душа твоя, словно кремень.

Ты одна из тех несчастных,
Кто и не сможет полюбить.
Не жалею дней напрасных,
Где успел любовь излить!

Ты в моих объятьях таешь,
Как снежинка на руках.
Ты ледник в душе скрываешь,
Жар твой – только на щеках!

Остаётся нам лишь похоть,
Остаётся нам лишь блажь.
Совесть выгорит, как порох,
Снова ты себя отдашь.

И сольёмся мы в той страсти,
Что возникла промеж нас.
В эту ночь я не во власти
Заглушить любовный глас.

Но придёт рассвет лиловый,
Разлучит, ревнивец, вновь.
Будем ждать мы встречи новой
... и опять играть в любовь.

О посёлке Бетлица (авторская песня)

-1-

Там, где пёстрой волной роца пенится
У петлистой Хатожки-реки,
Водрузился посёлок наш Бетлица
Средь берёзовых кущ и раakit.

А вблизи у селения скромного,
Где лесов нескончаемый строй,
Возвышается памятник воинам,
Безымянной зовясь высотой!

Безымянна она, – только множество
Бережёт в себе русских имён,
Потому здесь берёзы тревожно так
Шелестят, как полотна знамён.

Привев :

Наша жизнь, как юла, кругом вертится
В паутине дорог без конца.
Но для нас они сходятся в Бетлице,
Как всегда, у родного крыльца.

Коль судьба разлучит нас – затейница,
Ты меня позови сквозь лесок.
Я приду к тебе, милая Бетлица,
Как на мамин родной голосок.

-2-

Здесь, на площади в честь русских воинов,
Строго Куйбышев смотрит на нас,
Чтобы землю хранили мы кровную
И народную память в сердцах.

А вблизи храм стоит Богородицы,
Благовест нам даря свысока,
Чтобы звон колокольный, как вводится,
Поднимал русский дух на века!

Припев тот же.

-3-

По центральной пойду я по улице
До берёзовой рощи густой.
Сердце в грудь застучит, заволнуется
От такой красоты неземной.

Припаду к роднику животворному,
Да умоюсь студёной водой,
И душа вознесётся над кронами
Тех берёз – высоко над землёй.

Станет легче дышать, грусть развеется,
Слух пронзит соловьиная трель,
Ах, живительный край, моя Бетлица,
Ты для сердца – святая купель.

Припев тот же

СОДЕРЖАНИЕ:

Дорога на Русь

«В захолустье моём».....	4
«А война нам не мать».....	6
«Дорога на Русь».....	9
«Конечный маршрут».....	13
«В ночь на 9-е мая».....	16
«Русский мужик».....	18
«Февральские снега».....	20
«Снег летит с небес туманных».....	22
«Дорога жизни».....	25
«На рассвете».....	27
«Одинокая церковь».....	29
«Последняя рота».....	32
«О Пересвете».....	34
«Хоронили в селе кузнеца».....	36

«Потянулся туман».....	38
«Голос Христа».....	39
«Генная память».....	41
«Поле счастья».....	43
«Я не первый сын России».....	45
«Наследники Победы».....	47
«Предатели Родины».....	49
«О Безымянной высоте».....	51
«Господь не приведи».....	53
«На закате».....	55
«Когда моей души простынет след».....	57
«В Победный день».....	59
«Завоют псы в прощальный час».....	61
«Я родом из детства».....	62
«Иная Русь».....	64
«О душе».....	66

«На остановке у вокзала».....	68
-------------------------------	----

Деревня моя — мать вечная

«Забывтые фантомы».....	72
«Деревня моя — мать вечная».....	74
«Возвращение».....	76
«Оголтелая ночь».....	78
«Осеннее».....	80
«Застряло время».....	82
«До нитки пропахла рубаха».....	84
«Томилась похлёбка».....	86
«Юности тень».....	88
«У деревни моей».....	90
«Разгулялась позёмка».....	92
«Там в замшелом селенье».....	94
«Корова».....	98

«Жаль тебя, моя деревня».....	100
«Оттепель».....	102
«Коровья душа».....	104
«Осенняя озимь».....	106
«Узенькая улочка».....	107
«Счастье тут построено из брёвен».....	109
«Предновогодний вечер».....	111
«Позаброшены хаты окрестные».....	113
«Тянешь, ты, меня деревня».....	115
«Первый снег».....	116
«Всё бурьян да бурьян».....	118
«Юность босая».....	119
«Воспоминания из детства».....	120
«Сенокос».....	122

Чувства без границ

«Под окном распушилась сирень».....	125
«Русским женщинам».....	127
«Ушёл человек».....	130
«У счастья есть запах».....	133
«Синдром любви».....	135
«Я не актёр».....	137
«Уйду я к цыганам».....	138
«Поэты пишут неспроста».....	140
«Тихая охота».....	142
«Мартовское».....	144
«Жена поэта».....	145
«А в нашей комнате уют»	147
«Мечта».....	149
«Нежно улыбается во сне».....	151
«Обида».....	153

«Я ей шепну: «люблю».....	154
«Майское».....	156
«Я другим уже не стану»	157
«Дотлел огарком день».....	159
«Моя Калуга».....	160
«Посвящается дочери».....	162
«Я по рыхлому снегу плетусь»	164
«Трагедия в любви».....	166
«Метро».....	168
«Грустный вечер».....	170
«Прощальное письмо».....	172
«Старая стёжка».....	174
«Сжѐг я молодость».....	176
«Кукушка в лесу».....	178
«Первоledье».....	180
«Запалила мама в печке».....	181

«Распустилась ночь в небе минорном»	183
«Притча деда».....	185
«Отшумела Россиюшка».....	187
«Дождь унылый».....	189
«За что меня ругают?»	190
«Кабацкая печаль».....	191
«Приокские зори».....	193
«Больше ты меня не жди»	195
«Что наша жизнь?»	196
«Боль моя».....	198
«Колокольная боль».....	199
«Чёрный всадник».....	201
«Мысли угрюмые».....	203
«Сердце поэта».....	204
«Не смеюсь, не кричу, не рыдаю».....	206
«Огонь в печи горит неспешно»	208

«Полям, полям мчим в санях».....	210
«Растелился туман над рекою».....	212
«Я смотрю в небеса».....	214
«Тропинка».....	215
«Весна».....	216
«Загляну в твои глаза».....	218
«Песня о посёлке Бетлица».....	220

Виктор Валерьевич Глущенко
«В захолустье моём пасторальном»

Редактор: Гревцев И.Д.

Дизайн обложки: Епихин М.Н.

(материал для обложки взят из интернета)

Отпечатано в типографии «Принт-формула»

г. Москва

500 экз.